

Эдуард Лабулэ

ГОЛУБЬІЕ
СКАЗКИ

Эдуард Лабулэ

ГОЛУБЫЕ СКАЗКИ

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

Москва
«ТИПК-7»
1994

ISBN 5-88163-001-7

© «ТИПК-7», Москва, 1994 г.

© Иллюстрации О. Быковой и С. Куликовой, 1994 г.

Габриелле де Ла Булэ

Дорогая моя внучка!

Тебе два года, ты более не дитя. Настанет скоро пора учить тебя читать, и начнется суровая образовательная работа, долгая, как жизнь. Позволь своему дедушке поднести тебе эту золотую книгу, наполненную прекрасными картинками, которые займут любознательность твоих глаз. Ты пожелаешь узнать, о чем они говорят: придется читать; вот этого-то я и жду от тебя. О, если бы мои маленькие герои могли очаровать тебя своими рассказами и избавить тебя от слез, которые ни к чему не ведут!

Настанет, без сомнения, день, когда ты станешь степенной пятнадцатилетней барышней и отбросишь эту книгу вместе со своими куклами. Быть может даже, ты спросишь себя тогда, каким образом твой дед с седой бородой мог быть столь безрассудным, что тратил свое время на подобные дурачества. Не будь слишком строга, дорогая Габриелла, и окажи мне тогда снисходительный кредит лет на пять или шесть. Если Господь продлит твою жизнь, у тебя самой также будут дети, внуки, быть может, опыт и тебе слишком скоро покажет, в чем заключается высшая правда и высшая радость жизни, — не в том, что видишь, а в том, о чем мечтаешь. Тогда, рассказывая мои сказки этим юным друзьям, которых мне не придется увидеть, ты вспомнишь и того, кто любил тебя маленькою, и, может быть, тебе доставит некоторое удовольствие рассказать моим правнукам, каков был тот самый старичок, радость которого была забавлять детей. Они будут слушать тебя с блестящими глазенками и станут гордиться своим прадедом. Мне не надо иной славы; такое бессмертие меня удовлетворяет.

Затем, сударыня, почтительнейше повергаю к твоим ножкам уверения в совершенной преданности моих «Голубых сказок» и целую тебя в обе щечки.

Твой старый дедушка

ПАДЪЧИК

ПАЛЬЧИК

Финская сказка

I

ил-был крестьянин, у него было три сына. Назовём их Петром, Павлом и Иваном. Петр был высокого роста, толст, румян и глуп; Павел был худощав, желт, завистлив и зол; Иван был проказник и белолиц, как девушка, но ростом так невелик, что мог бы спрятаться в высоких сапогах своего отца, поэтому его прозвали Пальчиком.

Взамен всяких земных благ у крестьянина ничего не было, кроме семьи, в его жилище наступал праздник, когда в нем случайно замечали хоть тень копейки. Рожь была дорога, жизнь тяжела, поэтому, как только трое сыновей начали сами работать, добрый отец предлагал им каждый вечер и каждое утро покинуть хижину, где они родились, и постранствовать по белому свету в поисках счастья.

— На чужбине,— говорил он им,— хлеб не всегда легко зарабатывается, но его там, по край-

ней мере, вдоволь, между тем как здесь самое счастливое, что может вас ожидать, это смерть от голода.

На расстоянии одной мили от хижины у короля той страны был дворец — великолепное деревянное здание с двадцатью вырезными балконами и шестью зеркальными окнами. И вот внезапно в одну прекрасную летнюю ночь прямо перед окнами вырос громадный дуб с такою массой ветвей и листьев, что в королевском доме стало совсем темно. Срубить этого великана было нелегким делом, не находилось топора, который не притуплялся бы о ствол, и вместо каждой срубленной ветки и каждого отрубленного корня дуб выпускал их в удвоенном числе.

Это еще не все: в стране, где реки вытекают даже из камня, совсем не было воды в королевском дворце. Летом приходилось мыть руки в пиве и споласкивать медом. Это было стыдно, и потому король обещал поместья, деньги и звание маркиза тому, кто выроет на дворцовом дворе колодец, настолько глубокий, чтобы иметь воду в течение целого года. Но никто не мог получить награды, так как дворец был построен на возвышении и на глубине одного фута в почве находили уже сплошной гранит.

Король задался этими двумя целями и не хотел отрешиться от них. Каким незначительным королевством он ни правил, он был упрям не менее китайского богдыхана. Чтобы достигнуть какого-нибудь результата, он приказал расклеить в своих владениях большое объявление, украшенное королевским гербом. Тому, кто срубит дуб и выроет колодец, он обещал не более не менее как руку принцессы, своей дочери, и половину своего коро-

левства. Принцесса была прекрасна как день, половиною королевства никогда никто еще не пренебрегал, было основание прельститься самому изысканному честолюбцу.

И вот из Швеции, из Норвегии, из Дании и из России, с островов и материка пришла толпа сильных рабочих с топором на плече и заступом в руке. Но сколько они ни тесали, ни рубили, ни копали и ни рыли, труд их был напрасен. С каждым ударом топора дуб становился все тверже, а гранит не делался мягче, так что даже самые отважные в конце концов отступали.

II

Однажды, когда вся страна была полна пересудов по поводу происшествий во дворце, волновавших все умы, трое братьев спросили друг друга, почему бы им, с согласия отца, не пойти попытать счастья, они не рассчитывали на успех и не домогались ни руки принцессы, ни половины королевства, но кто знает, не найдут ли они при дворе или где-либо в другом месте работы и доброго хозяина, это было верхом их мечтаний. Отец похвалил сыновей, Петр, Павел и Иван отправились в путь по направлению к королевскому дворцу.

Во время пути Пальчик бегал по дороге взад и вперед, как легавая собака, все разглядывая, изучая, рыская повсюду. Мушки, травки, камешки — ничто не избегало его мышиных глаз. Беспреданно он останавливал своих братьев и расспрашивал их о всевозможных вещах: почему пчелы опускаются в чашечки цветков? Почему ласточки

летают над рекою? Почему бабочки порхают зигзагами? В ответ на все эти вопросы Петр раздражался смехом, Павел пожимал плечами и приказывал Пальчику молчать, называя его хвастуном и грубияном.

Следуя дальше, они вошли в большой еловый лес, покрывавший гору. На самой вершине раздавался шум, производимый топором, и треск валившихся ветвей.

— Удивительно, почему это рубят деревья на хребте горы? — сказал Пальчик.

— Меня более удивило бы, — сухо отвечал Павел, — если бы ты не удивился. Все в диво дуракам.

— Дитя, люди подумают, что ты никогда не видал дровосеков, — прибавил Петр, трепля по щеке своего маленького братца.

— Все равно, — сказал Пальчик, — мне любопытно посмотреть, что делается наверху.

— Ступай, — сказал Павел, — выбейся из сил. Это послужит тебе уроком, маленький хвастунишка, который хочет знать больше своих больших братьев.

Пальчик не обратил внимания на это замечание, он быстро полез наверх, прислушиваясь к тому, откуда раздается шум, и направился в ту сторону. Когда он достиг вершины горы, то нашел — как вы думаете, что? — волшебный топор, который сам по себе, без чьей-либо помощи рубил огромную сосну.

— Здравствуй, топор, — сказал Пальчик, — разве тебе не наскучило одному рубить это старое дерево?

— Уж много лет жду я тебя, — отвечал топор.

— Отлично, я здесь, — отвечал Пальчик и,

нимало не удивляясь, схватил топор, сунул его в большой кожаный мешок и спустился с веселым видом к братьям.

— Какое чудо встретил ты наверху, любопытная? — спросил Павел, презрительно поглядывая на Пальчика.

— Действительно, тот шум, который мы слышали, происходил от топора, — отвечал малыш.

— Я тебе говорил, — сказал Петр, — ты весь в поту из-за какого-то пустяка, лучше бы ты оставался с нами.

Немного далее путь суживался в ущелье среди скалистых глыб, и где-то вдали в вышине раздавался шум, походивший на удары железа о камень.

— Удивительное дело, для чего это рубят скалу наверху? — спросил Пальчик.

— В самом деле, — сказал Павел, — этот господин вчера только вылупился из своей скорлупы, он никогда еще не слышал дятла, бьющего своим клювом в дупло старого дерева.

— Правда, — произнес Петр, смеясь, — это дятел, оставайся с нами, мальчуган.

— Все равно, — отвечал Пальчик, — любопытно посмотреть, что делается наверху.

И вот он пополз на скалу, карабкаясь на четвереньках, в то время как Петр и Павел шли дальше, подсмеиваясь над ним.

Когда он достиг вершины скалы, он нашел — как вы думаете, что? — волшебную кирку, которая сама по себе, без чьей-либо помощи долбила скалу, как мягкую землю. С каждым ударом она проникала на целый фут в гранит.

— Здравствуй, кирка, — сказал Пальчик, —

разве тебе не наскучило одной долбить эту серую скалу?

— Уж много лет я жду тебя, мой сын,— отвечала кирка.

— Отлично, я здесь,— произнес Пальчик и, нимало не удивляясь, схватил кирку, снял ее с ручки, сунул обе части в свой большой кожаный мешок и спустился с веселым видом к братьям.

— Какое чудо встретил его сиятельство наверху? — грубо спросил Павел.

— Действительно, тот шум, который мы слышали, происходил от кирки,— отвечал малыш.

И он отправился далее, не говоря ни слова о происшедшем.

Через некоторое время они достигли реки, вода была прозрачна и свежа, путешественникам захотелось напиться, каждый из них начал пить из пригоршни.

— Удивительно, что так много воды находится в долине, которая вовсе не лежит глубоко,— сказал Пальчик.— Хотелось бы мне знать, откуда вытекает эта речка.

— Ты увидишь,— сказал Павел Петру,— скоро этот негодник полезет на самое небо. Ротозей, верно, не знает еще, что реки вытекают из почвы.

— Все равно,— сказал Пальчик,— мне все-таки любопытно посмотреть, откуда вытекает эта вода.

И вот он пошел вверх по реке, не обращая внимания на крики и возражения своих братьев. Он шел до тех пор, пока речка не перешла в едва заметный ручеек.

Когда же он достиг своей цели, он нашел — как вы думаете, что? — ореховую скорлупу, из

которой вытекала вода, сверкая на солнце цветами радуги.

— Здравствуй, родник, — произнес Пальчик, — неужели тебе не надоело в полном одиночестве бить ключом в этом глухом уголке?

— Долгие годы я жду тебя, мой сын, — отвечала ореховая скорлупа.

— Отлично, я здесь, — сказал Пальчик.

Нимало не удивляясь, он схватил ореховую скорлупу, заткнул ее мхом, так что вода перестала вытекать, сунул скорлупу в свою большую кожаную сумку и спустился с веселым видом вниз.

— Ну, что же, узнал ты, откуда вытекает эта речка? — крикнул ему Петр, заметив его издали.

— Да, братец, — отвечал Пальчик, — она вытекает из небольшой дырочки.

— У этого малыша слишком много ума, — заявил Павел, — с ним ничего не поделаешь.

— Я увидел, что хотел увидеть, — пробормотал Пальчик, — и узнал, что хотел узнать.

При этом он потерял свои руки.

III

Наконец дошли до королевского замка. Дуб был ужасно высок и ветвист, во дворе замка не было колодца, и на воротах все еще висело большое объявление, обещавшее руку королевны и полцарства тому дворянину, гражданину или крестьянину, без различия, который исполнит обе задачи, заданные его величеством. Но так как королю надоели предшествовавшие бесцельные попытки, которые ни к чему не приводили, как только к большему отчаянию, то под большим

объявлением прибили другое, маленькое; в этом маленьком объявлении было напечатано красными буквами следующее:

«Сим объявляется во всеобщее сведение, что в своей неисчерпаемой милости его величество король соизволил повелеть отрезать немедленно уши каждому, которому не удастся срубить дуб или вырыть колодец, дабы научить пострадавшего познавать самого себя, что составляет первый урок мудрости».

Для того же, чтобы все могли воспользоваться этим мудрым советом и понять его, вокруг объявления в виде рамки прибили десятка три окровавленных ушей для острастки тем, которые могли бы оказаться недостаточно скромными.

Когда Петр прочел объявление, он рассмеялся, дотронулся до своих ушей, закрутил усы, взглянул на руки, на которых виднелись налитые кровью жилы в виде голубых шнурков; затем он взмахнул два раза своим топором и одним ударом отрубил самую большую из ветвей заколдованного дерева.

Но в то же самое мгновение из дуба вырвались две другие ветви, каждая длиннее и толще первой, так что царская стража сейчас же схватила злосчастного дровосека и тут же на месте отрезала ему оба уха.

— Какой же ты неловкий, — сказал Павел своему брату.

Он взялся в свою очередь за топор, дотронулся до своих ушей, медленно обошел вокруг дерева и, заметив корень, выходивший из почвы, перерубил его одним ударом.

В то же самое мгновение два громадных новых корня вырвались из земли, и каждый из них

выпустил мощный отросток, сплошь покрытый листвой.

— Схватить этого негодяя! — крикнул в бешенстве король. — И за то, что пример брата не послужил ему на пользу, отрезать ему уши вровень со щеками!

Сказано — сделано. Но это двойное семейное несчастье не могло утешить Пальчика, с решительным видом он выступил вперед попытать счастья.

— Гоните прочь этого недоросля! — крикнул король. — Если же он будет сопротивляться, то отрубите ему тотчас же уши: он получит урок и избавит нас от своей глупости!

— Простите, ваше величество, — произнес Пальчик, — королевское слово должно быть свято. Я имею право испытать свои силы, всегда найдется время отрезать мне уши, если моя попытка не удастся.

— Хорошо, — сказал, вздыхая, король, — но берегись, чтобы я не приказал отрезать тебе в придачу и нос.

Пальчик вынул из своего большого кожаного мешка волшебный топор, который был почти так же велик, как и он сам, не без труда удалось ему насадить топор на уставленное в землю топориче.

— Руби! Руби! — крикнул он топору.

И вот топор стал рубить, резать, колоть, ударять вправо и влево, вверх и вниз. Ствол, ветви, корни, все было делом одной четверти часа, образовалась такая громадная гора, что королю хватило дров более чем на год.

Как только дерево было свалено и разрублено, Пальчик приблизился к королю, усадившему

королевну рядом с собой, и отвесил им обоим глубокий поклон.

— Ваше величество, — сказал он, — довольны ли вы своим покорным слугою?

— Да, — отвечал король, — но мне необходим еще колодец, в противном случае простись со своими ушами!

— Соблаговолите, ваше величество, указать мне место, которое вам нравится, я еще раз попытаюсь сделать удовольствие своему государю.

Все направились на обширный двор замка; король уселся в высокое кресло, королева селась немного ниже отца и стала с некоторым беспокойством следить за крохотным супругом, которого ниспосылали ей небеса. Не о таком супруге мечтала она...

Нимало не смущаясь, Пальчик вытащил из кожаной сумки волшебную кирку, он насадил ее на рукоятку и, установив на указанном месте, произнес:

— Кирка, коли!

И вот кирка начала разбивать на мелкие осколки гранит и менее чем в четверть часа образовала колодец глубиною в сто футов.

— Ваше величество, — произнес Пальчик, кланяясь королю, — находите ли вы этот водоем достаточно глубоким?

— Да, конечно, — отвечал король, — но в нем нет воды.

— Подарите мне, ваше величество, одну минуту времени, — отвечал Пальчик, — и ваше справедливое нетерпение будет удовлетворено.

Сказав это, он вынул из своей большой кожаной сумки ореховую скорлупу, обернутую мхом, и опустил ее в большую чашу, в которую за неиме-

нием воды положили цветы. Как только скорлупа была осторожно опущена в землю, он крикнул:

— Бей ключом!

И вот с сладким журчанием поднялась из-под цветов высокая струя воды и дождем рассыпалась по всему пространству двора, навевая вокруг такую прохладу, что всем придворным стало холодно, вода била в таком изобилии, что через четверть часа колодец был наполнен, и пришлось как можно скорее прорыть речку, чтобы освободиться от угрожающего изобилия воды.

— Государь, — сказал Пальчик, опускаясь на колени перед королевским креслом, — находите ли вы, ваше величество, что я выполнил ваши условия?

— Да, маркиз Пальчик, — отвечал король, — я готов уступить тебе половину моего царства или же выплатить тебе его стоимость, но выдать за тебя замуж королевну и назвать тебя своим зятем — это другое дело, которое, к тому же, не зависит от меня одного.

— Что же нужно для этого сделать? — спросил самоуверенно Пальчик, подбочениваясь и глядя на королевну.

— Ты узнаешь об этом завтра, — отвечал король, — покамест же ты мой желанный гость, и тебе отведут лучшую из комнат моего замка.

Король удалился, Пальчик же побежал к своим двум братьям, которые с обрезанными ушами замечательно походили на собак-мышеловок.

— Ну, что же, милые мои, — сказал он им, — вы видите теперь, что я не напрасно удивлялся на некоторым вещам и искал их причины?

— Тебе посчастливилось, — холодно отвечал

8660812

Свердловская
обл. универсальная
научная библиотека
им. В. Г. Белинского

Павел,— счастье слепо и не всегда избирает достойнейшего.

— Ты молодец, дитя мое,— произнес Петр.— С ушами или без ушей, я все-таки радуюсь твоему счастью, жаль, что нашего отца нет здесь.

Пальчик взял своих двух братьев с собою, и так как он был в милости, то королевский камергер нашел возможным дать обоим безухим молодцам место при дворе.

IV

Удалившись в свои покои, король не спал. Зять, подобный Пальчику, нимало ему не нравился, его величество размышлял, как бы не сдержать своего слова, лишь бы только это не показалось нарушением обещания. Для честных людей это вещь трудная. Поставленный между честью и своею выгодой, плут никогда не задумывается, но поэтому-то его и называют плутом.

В волнении король велел позвать Петра и Павла; лишь они одни могли ознакомить его с происхождением, характером и привычками Пальчика. Петр расхваливал своего маленького брата, что нимало не очаровало его величество; Павел удовлетворил короля гораздо более, сказав ему, что Пальчик просто-напросто бродяга и что было бы смешно, если бы могущественный государь счел бы себя обязанным по отношению к какому-то проходимцу.

— Этот мальчуган так хвастлив,— прибавил злой брат,— что он считает себя в силах вступить в бой с любым великаном. В этой местности живет такой великан, он нагоняет страх на всю окрест-

ность, он уводит быков и коров за десять верст в окружности; и вот Пальчик несколько раз говорил мне, что может сделать этого великана своим слугою, если только захочет.

— Это мы увидим,— сказал король.

Затем он отпустил обоих братьев и спокойно уснул.

На следующий день в присутствии всего двора король приказал позвать Пальчика. Тот явился, сияющий, как лилия, свежий, как роза, улыбающийся, как утро.

— Зять мой любезный,— произнес с ударением на первом слове король,— такой храбрец, как ты, не может жениться на королевне, не предоставив ей приличного ее положению дома. В наших лесах проживает великан, ростом в двадцать футов, съедающий за завтраком по целому быку. В своей обшитой галунами одежде, в треугольной шляпе, с золотыми эполетами и с пятнадцатифутовой алебардой, он был бы прекрасным слугою даже для самого короля. Моя дочь просит сделать ей этот подарок, а затем она, в свою очередь, подарит тебе свою руку.

— Это нелегко,— отвечал Пальчик,— но, чтобы понравиться ее высочеству, я попробую.

Он вернулся в прихожую, сунул в свой кожаный мешок волшебный топор, хлеб, кусок сыра и нож, взвалил мешок на спину и пошел по направлению к лесу. Петр рыдал, Павел улыбался, полагая, что брат не вернется более назад.

Войдя в лес, Пальчик начал оглядываться во все стороны, но высокие растения мешали ему видеть, тогда он крикнул что было мочи:

— Эй, великан, где ты? Выходи драться со мною на смертный бой!

— Я здесь! — заревел великан громовым голосом. — Погоди немного, я тебя сейчас раздавлю в блин!

— Не спеши, приятель, — отвечал Пальчик своим тоненьким голоском, — я даю тебе час сроку.

Когда великан подошел ближе, он начал оглядываться во все стороны, удивляясь, что ничего не видит; наконец, опустив глаза, он заметил малютку, который сидел на упавшем стволе и держал большой кожаный мешок в руках.

— Так это ты разбудил меня, негодник? — крикнул великан, сверкая пламенными очами.

— Я сам, — отвечал Пальчик, — я пришел нанять тебя к себе в услужение.

— Вот как? — сказал великан, который был настолько же глуп, насколько велик. — Ну и рассмешил же ты меня. Вот я тебя сейчас брошу в воронье гнездо, которое я вижу там, наверху, это отучит тебя бродить по моему лесу!

— По твоему лесу? — повторил малыш. — Он скорее мой, чем твой, еще одно слово, и я сбрую его с земли в четверть часа.

— Вот как? — удивился великан. — Хотел бы я увидеть твою работу.

Пальчик вынул топор из мешка.

— Руби! Руби! — крикнул он ему.

И вот топор стал рубить, резать, колоть, ударять вправо и влево, вверх и вниз. Громадные ветви посыпались на голову великана, как крупный град во время бури.

— Довольно, довольно! — крикнуло чудовище, начинавшее приходить в ужас. — Не разрушай моего леса. Кто ты такой?

— Я — знаменитый колдун Пальчик. Стоит

мне произнести слово, и топор мой отрубит тебе голову. Ты еще не знаешь, с кем имеешь дело. Посмотри.

Великан остановился, заинтересованный странным явлением. Проголодавшийся Пальчик открыл свой кожаный мешок и вынул оттуда хлеб и сыр.

— Что это такое, эта белая вещь? — спросил великан, никогда не видавший сыра.

— Это камень, — отвечал Пальчик и откусил большой кусок своими крепкими зубами.

— Разве ты питаешься камнями? — спросил великан.

— Они — моя обыкновенная пища, поэтому я и не расту, как ты, питающийся быками, но оттого я, несмотря на свой небольшой рост, в десять раз сильнее тебя. Веди меня к своему жилищу.

Великан был побежден, он шел перед Пальчиком, как большая собака перед ребенком, и привел его к своей огромной хижине.

— Слушай, — сказал Пальчик великану, — нужно, чтобы один из нас был господином, а другой — слугою. Поспорим. Если я не сумею сделать то, что ты сделаешь, я буду твоим рабом, если ты не сумеешь сделать то, что я сделаю, ты будешь моим рабом.

— Согласен, — отвечал великан, — я хотел бы иметь такого хитреца, как ты, слугою. Я устаю думать, ты будешь думать за меня. Для начала вот два ведра, ступай за водою, я сварю себе щи.

Пальчик поднял голову, чтобы разглядеть два ведра. Это были две громадные бочки, футов в десять вышины и в шесть ширины; ему было бы легче утопиться в них, чем сдвинуть их с места.

— А! — сказал великан, разевая свой широкий

рот.— Ты уже затрудняешься, сын мой, исполняй же то, что я приказываю, иди за водой.

— Зачем?— сказал Пальчик.— Я побегу лучше за самым родником и брошу его прямо в твой чугу́н, это будет гораздо проще.

— Нет! Нет!— вскрикнул великан.— Ты уже достаточно испортил мой лес, не трогай моего родника, а не то я должен буду завтра сидеть без воды. Разведи огонь, я сам пойду за водой.

Когда чугу́н был подвешен, великан бросил в него быка, разрезанного на куски, пятьдесят кочанов капусты и целый воз моркови. Отведав несколько раз кипящий бульон, он сказал Пальчику:

— Садись теперь к столу, посмотрим, делаешь ли ты то, что я сделаю. Что касается меня, то я готов съесть целого быка и тебя в придачу, ты послужишь мне десертом.

— Садись,— сказал Пальчик.

Но, прежде чем сесть, он сунул под куртку свой большой кожаный мешок, который от шеи ниспадал до самых ног малютки.

Итак, оба приятеля сели за стол. Великан ел, ел, Пальчик не отставал от него, но все мясо, капусту и морковь он незаметно вкладывал в свой мешок.

— Уф!— произнес великан.— Я больше не могу, я расстегну пуговку у моей жилетки.

— Ешь же, лентяй!— крикнул Пальчик, кладя половину капустного кочана под свою куртку.

— Уф!— произнес великан.— Я расстегну вторую пуговку, что за страусовый желудок у тебя, сын мой, видно, что ты привык питаться камнями.

— Ешь же, лентяй!— крикнул Пальчик, кладя

громадный кусок мяса под свою куртку.

— Уф! — сказал великан. — Я расстегиваю третью пуговку, я задыхаюсь. А ты, колдун?

— Пустяки! — отвечал Пальчик. — Ничего нет легче, как дать себе простору и вздохнуть свободно. — Он взял нож и разрезал свой жилет и кожаный мешок во всю длину живота. — Очередь за тобой, — сказал он великану, — сделай то, что сделал я.

— Слуга покорный, — произнес гигант, — лучше я буду твоим рабом — я не переносу ничего стального.

Сказано — сделано, великан в знак покорности поцеловал руку Пальчика, затем посадил на одно плечо своего крохотного повелителя, а на другое взвалил большой мешок с золотом и направился к замку.

V

В замке был праздник, и все были убеждены, что великан съел Пальчика с неделю тому назад, как вдруг раздался сильный шум. Замок задрожал до самого своего основания. Это был великан, громадные ворота показались ему слишком низкими, и одним ударом ноги он повалил их на землю.

Все устремились к окнам, король последовал общему примеру и увидел Пальчика, спокойно сидящего на плече своего ужасного слуги.

Наш герой вошел через балкон второго этажа и, опустив колено перед своей невестой, произнес:

— Принцесса! Вы желали иметь раба, перед вами два.

Эта галантная фраза на следующий же день была помещена в официальном сообщении «Придворной газеты», но в момент ее произнесения она привела короля в некоторое замешательство. Не зная, что ответить, он отвел принцессу в сторону и сказал ей:

— Дочь моя! У меня нет больше никаких оснований отказывать этому отважному юноше в твоей руке, посвяти себя благу государства, редко принцессы выходят замуж по своему собственному желанию.

— Позвольте, батюшка, — отвечала инфанта с глубоким поклоном. — Каждая девушка, принцесса ли она или нет, любит выходить замуж по своему вкусу, позвольте мне защитить свои права по-своему. Пальчик, — прибавила она громким голосом, — ты смел и счастлив, но этих качеств недостаточно для того, чтобы понравиться дамам.

— Это я знаю, — отвечал Пальчик, — помимо этого нужно исполнять их малейшее желание и преклоняться перед их капризами.

— Ты — малый рассудительный, — отвечала принцесса. — Раз ты так догадлив, то я предлагаю тебе последнее испытание. Оно не должно тебя страшить, так как твоим единственным противником буду лишь я одна. Поспорим, кто из нас окажется остроумнее, моя рука будет призом.

Пальчик отвесил глубокий поклон. Весь двор спустился в тронный зал, где, ко всеобщему ужасу, нашли великана, сидящего на полу. Вышина зала не достигала полных пятнадцати футов, бедный великан не мог в нем стоять. Повинуясь знаку своего юного господина, он подполз к нему, счастливый и гордый тем, что может ему повиноваться. Это была сила на службе у ума.

— Начнем,— сказала принцесса,— но какой-нибудь причудой. Говорят, что женщины не боятся лгать, посмотрим, кто из нас лучше перенесет ложь. Первый, кто произнесет: «Это уж слишком!», будет побежден.

— Что касается того, чтобы лгать шутя или говорить правду серьезно, я всегда к услугам вашего высочества,— отвечал Пальчик.

— Я убеждена,— начала принцесса,— что у тебя нет такой прекрасной усадьбы, как у нас. Когда два пастуха на противоположных концах ее затрубят в свои рожки, то первый не слышит второго, второй не слышит первого.

— Это что! — сказал Пальчик.— Выгон моего отца так велик, что, когда двухмесячная телка войдет в одни ворота, она выходит из других коро-вою, дающей молоко.

— Это меня не удивляет,— произнесла принцесса,— но у тебя нет такого громадного быка, как у нас. На каждый из его рогов можно посадить по человеку, и один не в состоянии дотронуться до другого двадцатифутовой палкой.

— Это что! — отвечал Пальчик.— У нашего быка такая огромная голова, что работник, сидящий на одном из рогов, не может разглядеть работника, вскарабкавшегося на другой рог.

— Это меня не удивляет,— сказала принцесса,— но у тебя нет столько молока, сколько у нас. Мы наполняем им ежедневно двадцать бочек, из которых каждая вышиною в сто футов, и каждую неделю мы складываем гору сыра, которая не уже, не ниже египетской пирамиды.

— Это что! — отвечал Пальчик.— У моего отца изготавливают такие огромные сыры, что, когда

однажды в форму упала одна из наших лошадей, мы ее нашли только после семидневного путешествия, к тому же несчастное животное сломало себе спинной хребет. Чтобы иметь возможность употреблять ее в работу, я должен был вместо позвоночника вставить ей в спину большую ель, это удалось как нельзя лучше. Но вот в одно прекрасное утро ель пустила росток, который превратился в такую огромную ветвь, что по ней я влез на самое небо. Там я встретил даму в белом одеянии, прявшую тончайшую пряжу из морской пены; я хотел было взять пряжу, вдруг нить обрывается и я падаю в мышиную нору. Что я вижу в ней! Твой отец и моя мать работают каждый на своей прялке, и так как твой отец был неповоротлив, то моя мать дала ему такую оплеуху, что от нее задрожали усы твоего батюшки...

— Это уж слишком! — воскликнула в гнев принцесса. — Никогда мой отец не перенес бы подобного оскорбления!

— Она сказала: «Это уж слишком!» — закричал великан. — Хозяин, принцесса наша!

— Не совсем, — отвечала, краснея, принцесса. — Пальчик, я задам тебе три загадки. Разгадай их, и мне ничего не останется, как повиноваться моему отцу. Скажи, что всегда падает, но никогда не ломается.

— Ах! — отвечал Пальчик. — Это знала даже моя бабушка: водопад.

— Однако это верно! — крикнул великан. — Кто сумел бы разгадать это?

— Скажи мне, — продолжала принцесса несколько взволнованным голосом. — Кто ежедневно ходит по одной и той же дороге, но никогда не возвращается по ней обратно?

— Ах! — отвечал Пальчик. — Это знала даже моя бабушка: солнце.

— Хорошо, — сказала принцесса, побледнев от гнева, — остается еще один вопрос. О чем ты думаешь, а я не думаю? О чем я думаю, а ты не думаешь? О чем мы с тобой думаем оба? О чем мы с тобой вовсе не думаем?

Пальчик опустил голову и задумался, он пришел в смущение.

— Хозяин, — сказал великан, — если эта загадка слишком тяжела, то не ломай головы. Прикажи, и я унесу принцессу, этим все кончится в один миг.

— Молчи, раб, — прервал его Пальчик. — Сила бессильна, мой бедный друг, тебе это должно было бы быть скорее других известным. Подожди, я испытаю другое средство.

— Сударыня, — сказал он среди всеобщего молчания, — я не смею отгадать, а между тем в этой загадке я вижу свое счастье. Я осмеливался думать, что ваши загадки не представят для меня никакого затруднения, вы же, несомненно, думали противоположное. Вы были так добры и полагали, что я не столь ничтожен, чтобы не быть в состоянии вам понравиться, я же не имел дерзости думать об этом. Наконец, — прибавил он, улыбаясь, — то, о чем мы думали оба, это — что на свете бывают и глупее нас люди; то, о чем мы, ни я, ни вы, не думали, это что король, ваш августейший отец, и этот глупый великан имеют между собою такое большое...

— Молчи, — сказала принцесса, — вот моя рука.

— Что же вы оба про меня думали? — воскликнул король. — Я был бы счастлив узнать это.

— Мой добрый батюшка, — сказала принцесса, бросаясь ему на шею, — мы думали, что вы мудрейший из королей и лучший из людей.

— Хорошо, — сказал король, — я это знаю. Теперь следует что-нибудь сделать и для моего доброго народа. Пальчик, я возвожу тебя в герцоги.

— Да здравствует герцог Пальчик! Да здравствует мой повелитель! — крикнул великан ужасным голосом, казалось, гром разразился над дворцом. К счастью, все кончилось страхом и двадцатью разбитыми стеклами.

VI

Описывать бракосочетание принцессы и Пальчика было бы бесполезным трудом, все свадьбы похожи одна на другую, разница заключается лишь в последующих за ними днях. Но все-таки со стороны чистосердечного историка было бы непростительно не упомянуть о том, что присутствие великана в сильной степени содействовало украшению этого величественного торжества. Так, на обратном пути из монастыря этот верный колосс в порыве радости не мог придумать ничего лучшего, как поставить свадебную карету себе на голову и отнести таким образом новобрачных во дворец. Это один из тех случаев, которые не мешает отметить, так как они встречаются далеко не каждый день.

Вечером был общий праздник в столице, пиры, речи, иллюминации, стихи, цветы и букеты, во всем этом не было недостатка, царила общая радость.

Во дворце все смеялись, пели, ели, разговаривали или пили; лишь один человек, спрятавшийся в углу, проводил время особенным, резко отличавшимся от других образом — это был Павел. Он был счастлив тем, что ему отрезали уши: он, по крайней мере, не слышал хвалебных речей в честь своего брата, с другой стороны, он чувствовал себя несчастным тем, что не был также и слепым, так как он не мог не видеть улыбок новобрачной четы. В конце концов он убежал в лес, где был съеден медведями, то же самое я желаю от души всем завистникам.

Пальчик был таким маленьким, что трудно было его уважать, но он был так ласков и нежен, что быстро завоевал любовь своей жены и приверженность всего народа. По кончине своего тестя он царствовал в течение пятидесяти двух лет, и никто во все это время не пожелал другого короля. Невероятная вещь, если бы она не была удостоверена официальной хроникой его царствования. Он отличался таким остроумием, говорит история, что всегда отгадывал все то, что могло бы быть полезным или понравиться его подданным, он был так добр, что довольство ближних составляло всю его радость. Он жил только для других.

Но зачем прославлять его доброту? Разве доброта не добродетель всех умных людей? Что бы там ни говорили, а на земле нет добрых дураков. Глупый не бывает добрым, добрый не бывает глупым, верьте моей многолетней опытности. Если не все дураки — злы, в чем я сомневаюсь, то все злые — дураки.

В этом и вся мораль моей сказки.

ТРИ ЛИМОНА

ТРИ ЛИМОНА

Неаполитанская сказка

ил-был некогда король, и звали его королем Алых Башен. У короля был единственный сын, которого он любил и берег как зеницу ока. Он был последней надеждой вымирающей династии. Женить этот блестящий

отпрыск, найти ему принцессу, благородную, богатую, красивую и прежде всего кроткую и добрую (отметьте в особенности эти последние два пункта), составляло все честолюбие престарелого короля. Каждый вечер он засыпал, мечтая об этом вожделенном союзе; каждую ночь он видел во сне, что он — дедушка и обнимал во сне целую армию мальчуганов, которые проходили мимо него с короною на голове и скипетром в руке. К несчастью, несмотря на всевозможные добродетели, в которых наследник престола никогда не имеет недостатка, Карлино, так звали юного принца, имел небольшой недостаток: он был необузданнее дикого жеребенка. При одном упоминании женского имени он опускал голову и убегал в лес. В чем же состояла печаль короля? Излишне отвечать на это. При одной мысли о том, что его трон без наследников, что его род готов угаснуть, он становился печальным и сокрушенным, как путе-

шественник, потерпевший крушение. Но он мог отчаиваться сколько хотел, ничто не трогало Карлино. Слезы отца, мольбы целого народа, интересы государства — ничто не могло смягчить это каменное сердце. Чтобы уговорить его, двадцать проповедников потеряли свое красноречие и тридцать сенаторов — свою латынь. Упрямство составляло всегда особенность юного принца. Карлино ничего не забывал, и он счел бы себя оскорбленным, если бы не мог в этом отношении дать лошаку несколько очков вперед.

Но часто в течение одного часа случается больше вещей, чем в течение ста лет; никто не сможет сказать: «Вот путь, на который я никогда не ступлю». Однажды утром, когда все сидели за столом и принц, которого, как всегда, журил его отец, вместо всяких ответов занимался рассматриванием мух, кружившихся в воздухе, он забыл, что держит в руке нож, и во время одного нетерпеливого движения уколол свою правую руку. Показалась кровь, и несколько капель ее упало на тарелку с кремом, которая в это время стояла перед Карлино, произведя в ней причудливую смесь белого и алого цветов. Случай или небесная кара, кто знает, но безумный каприз пришел при этом на ум принцу.

— Государь, — сказал он, — если мне не удастся вскоре найти девушку, такую же белую, такую же алую, как этот крем, окрашенный моею кровью, я сделаюсь пропащим человеком. Подобная нимфа, подобная красавица должна существовать где-либо; я ее люблю, я теряю из-за нее рассудок, она мне нужна, я ее желаю. Для смелого сердца нет ничего невозможного. Если вы желаете, чтобы я остался в живых, отпустите меня

по белому свету в погоню за моей мечтой, иначе меня завтра же не станет.

Кто пришел в изумление, слушая эти нелепости? Бедный король Алых Башен. Ему казалось, что весь дворец обрушился ему на голову, он бледнел, краснел, лепетал, плакал, наконец, вновь получив дар слова, он воскликнул:

— О! Мой сын, опора моей старости! Кровь моего сердца! Жизнь моей души! Какую мысль вбил ты себе в голову? Уж не потерял ли ты свой рассудок? Вчера ты заставлял меня умирать от скорби, не желая жениться и подарить меня наследниками, сегодня же, чтобы согнать меня с этого света, ты вбиваешь себе в голову новую химеру! Куда ты стремишься, несчастный? Зачем покидать свой дом, свой очаг, свою колыбель? Знаешь ли ты, каким опасностям, каким бедствиям подвергается путешественник? Гони от себя эти опасные мечты, оставайся со мною, мое дитя, если ты не желаешь отнять у меня жизнь и вместе с тем разрушить свое королевство и свой род.

Эти и другие, не менее мудрые слова произвели не больше впечатления, чем любая официальная речь. Карлино, с неподвижным взглядом, с нахмуренными бровями, ничего не слышал, кроме своего страстного желания. Все то, что ему говорили, входило в одно его ухо и тотчас же выходило из другого, это было красноречие, брошенное на ветер. Когда старик король, утомленный мольбами и слезами, заметил, что легче сдвинуть упрямого осла, чем избалованного ребенка, следующего своему капризу, он глубоко вздохнул и решил отпустить Карлино. Преподав ему советы, которых сын вовсе не слушал, вручив ему

полные кошельки с червонцами, которые Карлино принял гораздо внимательнее, и двух преданных слуг, король простился со своим непослушным сыном. Он прижал его к своей груди и с тяжелым сердцем поднялся на вышку своей высокой башни, чтобы следить глазами за неблагодарным, который его покидал.

Когда Карлино скрылся за горизонтом, бедный король думал, что у него вырвали сердце, он закрыл лицо руками и начал рыдать, не как ребенок, а как отец. Детские слезы — это летний дождь, большие капли, которые даже не смачивают; слезы отца — это осенний дождь, они текут медленно и не высыхают никогда.

В то время, как король сокрушался, наш путешественник с пером на шляпе и с легким сердцем в груди ехал верхом на коне, настоящий Александр, которому судьба предназначала весь мир. Найти то, что он искал, вовсе не было легко, поэтому его странствование продолжалось не один месяц.

Он проносился по горам и долам, проезжал через королевства, герцогства, графства и баронства, заезжал в города, села, замки и лачуги, засматриваясь на всех девушек и осматриваемый ими, даже теми, которые опускали глаза, но как он ни искал, старушка Европа не дала ему сокровища, о котором он мечтал.

В конце четвертого месяца он прибыл в Марсель, решившись сесть на корабль и отплыть в Индию. Но при виде бушующего моря его добрые и верные слуги оказались охваченными эпидемией, которую врачи называют мудрым названием, а греки — мигренью в ногах. К крайнему сожалению этих добрых малых, им пришлось по-

кинуть своего молодого господина и остаться спокойно на суше, тепло укутавшись двумя одеялами, в то время как Карлино на хрупком судне презирал бурю и волны.

Ничто не удерживает сердца, увлекаемого страстью. Принц прошел Египет, Индию и Китай, переходя из страны в страну, из города в город, из дома в дом, из хижины в хижину, ища везде подлинник той прекрасной картины, которую он нарисовал в своем уме; все усилия были тщетны. Он видел девушек всех цветов и всех оттенков, брюнеток, блондинок, темно-русых, рыжеволосых, белых, желтых, красных, черных, но той, которую он любил, он не находил. Не останавливаясь, не переставая искать, Карлино наконец достиг конца света, не видя перед собой ничего, кроме неба и воды. Настал конец, настал предел его надеждам, его мечта испарилась. В отчаянии он ходил большими шагами по берегу, как вдруг увидел старца, гревшегося на солнце. Принц спросил его, не находится ли что-нибудь там, за теми волнами, которые теряются вдали.

— Нет, — отвечал старец, — никто еще не находил ничего в этом море без островов и берегов, из которого те, по крайней мере, которые отваживались, никогда не возвращались обратно. Я вспоминаю, как некогда, когда я был еще ребенком, наши предки хранили предание своих отцов о том, что там, вдали, за горизонтом, лежит страна трех классических Парок, но горе безрассудному, что приблизится к этим безжалостным феям, их взгляд приносит смерть.

— Что нужды в том! — воскликнул Карлино. — Чтобы осуществить свою мечту, я пренебрегу самым адом!

Невдалеке находился челн, принц прыгнул в него и развернул парус. Порывистый ветер погнал челн вдаль, земля исчезла, храбрец очутился один среди океана. Тщетно всматривался он в горизонт: ничего, кроме моря, повсюду море; тщетно скользившая по пенящимся волнам лодка одолевала пространство, как конь, распускающий по ветру свою гриву; ничего, кроме моря, одно море. Волны неслись за волнами, часы гнались за часами, солнце садилось, безмолвие и тишина, казалось, увеличивались вокруг Карлино, как вдруг он исторг крик восторга — он заметил вдали темную точку. В то же самое мгновение лодка, влекомая течением, полетела, как стрела, и была выброшена на песок у подножия громадных скал, которые протягивали к небу свои сумрачные вершины, разрушенные временем. Судьба бросила Карлино на этот берег, с которого никто не возвращался. Перебраться через эту стену было нелегким делом — не было ни дороги, ни тропинки; и когда после долгих усилий Карлино с окровавленными руками и с разбитыми членами достиг одной площадки, то вид, который открылся перед ним, не мог вознаградить его за усилия. Нагроможденные ледяные глыбы, темные и влажные скалы, выступавшие из-под снега! Ни деревца, ни травинки, ни мха — полное олицетворение зимы и смерти.

В этой пустыне не было ни живой души, лишь ветхий домишко, дощатая крыша которого гнулась под тяжелыми камнями, нагроможденными для противодействия ярости ветров. Когда принц приблизился к этой развалине, ему представилось такое страшное зрелище, что он онемел от удивления и ужаса. В глубине лачуги висел громадный

ковер с изображением всех живущих на земле, без исключения. Там были изображены цари, воины, рабочие, пастухи и рядом с ними богато наряженные дамы, крестьянки, работающие на прялке. На первом плане резвились, держа друг друга за руки, мальчики и девочки.

Перед этим ковром расхаживала владелица лачуги, это была старуха, если позволительно дать подобное женское имя олицетворению смерти, скелету, кости которого едва прикрывались кожей, прозрачною и желтою, как воск. С видом паука, приготовляющегося броситься на свою добычу, старуха, вооруженная длинными ножницами, смотрела ревнивым оком на эти фигуры, затем она внезапно бросалась на них и резала наугад. В такие минуты от ковра неслся жалобный вопль, который был в состоянии заледенить самое смелое сердце. Слезы детей, рыдание матерей, отчаяние тех, которые любят, последний шепот стариков — казалось, все людские горести сливались в одно в этом последнем стоне. При этом крике старуха раздражалась смехом, в то время как невидимая рука сшивала ковровые нити, вечно разрушаемые и вечно обновляемые.

Раскрыв ножницы, мегера вновь приближалась к ковра, когда она внезапно заметила на нем тень Карлино.

— Спасайся, несчастный! — крикнула она ему, не оборачиваясь. — Мне известно, что тебя сюда влечет, но я ничего не могу сделать для тебя. Обратись к моей сестре, быть может, она исполнит твоё желание. Она — жизнь, я — смерть!

Карлино не заставил повторять себе это, он

побежал вперед, очень обрадованный, что может избавиться от вида подобных ужасов.

Вскоре местность изменилась — Карлино очутился в плодоносной долине. Повсюду луга в цветах, виноградники, унизанные гроздьями, маслины, покрытые плодами.

В тени смоковницы на берегу родника сидела слепая дева, она наматывала на свое веретено золотые и шелковые нити. Около нее стояли прялки с пряжей всевозможных видов: льняной, шерстяной, шелковой и другой.

Когда фея окончила свою работу, она протянула дрожащую руку, взяла наугад первую попавшуюся прялку и начала прясть.

Карлино отвесил глубокий поклон слепой труженице и начал было взволнованным голосом рассказывать ей историю своих странствий, но при первых же словах фея его остановила.

— Дитя мое, — сказала она, — я ничего не могу сделать для тебя. Я лишь бедная слепая и даже сама не знаю, что делаю. Эта прялка, которую я взяла наугад, определяет судьбу всех тех, которые будут рождены в этот час. Богатство или бедность, счастье или злой рок, все связано с нитью, которую видеть мне даже не дано. Рабыня судьбы, я не в состоянии ничего создать. Обратись к моей другой сестре, быть может, она исполнит твое желание. Она — рождение, я — жизнь.

— Благодарю, сударыня, — сказал Карлино и с облегченным сердцем побежал дальше, к самой красивой из Парок.

Он скоро нашел ее, прекрасную и свежую, как весна. Вокруг нее все зарождалось, все получало жизнь; хлебные зерна пробивали землю и простирали свои зеленые побеги, апельсиновые деревья

покрывались цветом, почки высоких деревьев раскрывали свои нежные лепестки, едва оперившиеся, бегали вокруг суетливой наседки цыплята, барашки сосали свою мать. Это была первая улыбка жизни.

Фея встретила принца замечательно любезно. Выслушав его без насмешек над его безрассудством, она пригласила его к ужину и в виде десерта подарила ему три лимона и красивый ножик с ручкой из перламутра и серебра.

— Карлино,— сказала она ему,— теперь возвращайся к своему отцу, ты заслужил награду, ты нашел то, что искал. Отправляйся и, когда ты вернешься в свое королевство, разрежь один из лимонов у первого источника, который ты встретишь, из лимона выпорхнет фея, которая скажет тебе: «Дай мне пить». Подай ей тотчас же воды, иначе она выскользнет из твоих рук, как ртуть. Если и вторая также исчезнет, не спускай глаз с последней: дай ей скорее напиться, и ты обретишь супругу по сердцу.

Отуманенный счастьем, принц раз десять поцеловал добрую руку, исполнившую все его желания. Он был скорее счастлив, чем умен, и вообще не заслуживал успеха. Но что делать? Феи имеют свои причуды, а что такое счастье, как не та же фея!

От конца света до королевства Алых Башен далеко. На своем пути, по странам и морям, не одну бурю испытал Карлино и смело перенес не одну опасность, но наконец после долгого путешествия и тысячи испытаний он прибыл в страну своих предков, неся с собою три лимона, оберегаемых им пуще зеницы ока.

Находясь на расстоянии не более двух часов

пути от королевского замка, он вошел в густой лес, в котором, бывало, не раз охотился.

Светлый родник, окруженный травами, и берег, оттененный трепетными листьями, манили путника к отдыху.

Карлино опустился на зеленый ковер, испещренный белыми цветочками, и, вынув свой нож, разрезал один из лимонов прекрасной Парки.

Вдруг перед ним явилась, как яркий блеск зарницы, молодая девушка, белая, как молоко, алая, как ягода клубники.

— Дай мне пить! — сказала она.

— Как она прекрасна! — воскликнул принц, до того плененный подобной красотой, что совершенно забыл совет Парки. Наказание не заставило себя ждать: в одно мгновение фея мелькнула и исчезла.

Карлино ухватился за голову в изумлении, с видом ребенка, зачерпнувшего воду раскрытыми пальцами.

Он попытался успокоиться и неуверенной рукою разрезал второй лимон, но вторая фея была еще прекраснее и мимолетнее, чем старшая сестра. В то мгновение, как изумленный Карлино любовался ею, она улетела.

Тут принц разрыдался, казалось, родник и он соединились вместе. Он рыдал, он рвал на себе волосы, он накликал на себя с небес всевозможные проклятия.

— Не несчастен ли я! — восклицал он. — Два раза я позволяю им выскальзывать, как будто у меня связаны руки. О, я глупец, я заслуживаю своей судьбы. Мне нужно было бы бежать, как борзой собаке, я же стою, как пень. Прекрасно, нечего сказать! Однако не все еще потеряно, в тре-

тий раз не будет промаха. Если этот нож, который мне вручила Парка, обманет меня и теперь, я буду знать, куда его направить!

Говоря это, он разрезал последний лимон.

Вылетела фея и подобно другим проговорила:

— Дай мне пить!

Тотчас же принц предложил ей воды, и вот в его руках осталась прекрасная и стройная девушка, белая, как крем, с алыми жилками на щеках. Она была такой красавицей, которой свету никогда не доводилось видеть, красота ее не имела соперниц, свежесть не поддавалась сравнению, миловидность, о которой никто не смел даже мечтать. Ее волосы блестели ярче золота, ослепительные голубые глаза позволяли читать в глубине ее сердца. Ее розовые губки, казалось, открывались лишь для слов утешения и любви, одним словом, с головы до ног это было самое упоительное создание, когда-либо спускавшееся с небес на землю. Как прискорбно, что не сберегли для нас ее портрета!

При созерцании своей невесты принц потерял голову от изумления и радости, он с трудом понимал, каким образом из горькой оболочки лимона могло выйти это чудо белизны и добродетели!

— Не сплю ли я,— говорил он,— не вижу ли я все это во сне? Если я жертва призрака, сжался, не пробуждай меня!

Улыбка феи быстро разбудила его, она приняла руку, предложенную ей принцем, и первая предложила ему отправиться к тому доброму королю Алых Башен, который сочтет за счастье благословить своих двух детей.

— Душа моя,— сказал Карлино,— я так же, как и ты, жажду свидеться с моим отцом и дока-

зять ему, что я был прав, но мы не можем войти в замок рука об руку, как два поселянина, возвращающихся с поля. Ты должна прибыть, как принцесса, примут тебя, как королеву. Обожди меня в этом укромном уголке, я поспешу в замок и не позже, как через два часа, вернусь с нарядами, достойными тебя, с экипажами и свитой, которые отныне уже не покинут нас.

Затем он нежно поцеловал ее руку и ушел.

Когда молодая девушка осталась одна, ей стало страшно: карканье вороны, шум леса, треск сухой ветки, сорванной ветром — все пугало ее, с трепетом оглядывалась она по сторонам и увидела около родника старый дуб, ствол которого, расщепленный временем, мог дать ей убежище.

Она вошла в дупло и укрылась в нем вплоть до прелестной, обрамленной листвою головки, отражавшейся в прозрачной воде, как в зеркале.

Невдалеке от того места проживала невольница-негритянка, каждое утро госпожа посылала ее за водою к роднику. Люция, так звали африканку, пришла и на этот раз, по обыкновению, с кувшином на плече, но, наполняя его, она заметила в воде отраженный облик феи.

Безрассудная, никогда не выдававшая своего лица, вообразила, что это ее отражение, и воскликнула:

— Бедняжка Люция! Какая ты прекрасная и миловидная! А госпожа посылает тебя, как выючное животное, за водою! Нет! Нет! Никогда.

И в припадке тщеславия она разбила кувшин и вернулась домой.

Когда госпожа спросила ее, почему разбит кувшин, невольница отвечала, пожимая плечами:

— Повадился кувшин по воду ходить, ему и голову сломить!

Тогда госпожа дала ей небольшой деревянный бочонок и приказала ей тотчас же наполнить его у родника. Негритянка побежала к ручью и, вглядываясь с любовью в изображение, отражавшееся в воде, вздохнула и сказала:

— Нет, я не обезьяна, как уверяют все, я куда красивее моей госпожи, пусть ослы тащут бочки! — Она схватила бочонок, бросила его оземь, разбила его на тысячи осколков и, ругаясь, пошла домой.

Когда госпожа, поджидавшая ее, спросила, где бочонок, невольница в гневе отвечала:

— Осел толкнул меня, бочонок упал и сломался.

Услыхав это, госпожа потеряла терпение и, схватив метлу, дала африканке один из тех уроков, которых не забывают в течение нескольких дней. Сняв с крюка кожаный мех, висевший на стене, она сказала ей:

— Беги, несчастный крот! Если ты в одну минуту не принесешь мне этого меха, наполненного водой, я тебе лучшим образом отбелю кожу!

Негритянка бросилась бежать без оглядки, она уже познакомилась с молнией, при мысли о громе она приходила в ужас. Но когда мех был наполнен, Люция взглянула в родник и, видя в нем улыбающееся лицо феи, воскликнула в бешенстве:

— Нет! Я более не водоноша, я не создана для того, чтобы ослабнуть, как собака, на службе сумасшедшей госпожи!

Сказав это, она вытянула из своих волос большую шпильку, сдерживавшую ее кудри, и начала протыкать мех насквозь, делая из него лейку с

тысячью струй вырывавшейся воды. Видя это, фея, спрятанная в дереве, начала смеяться; негритянка взглянула вверх, заметила красавицу и поняла все.

— Хорошо же, — сказала она, — значит, из-за тебя меня поколотили, ты у меня за это поплатишься.

Затем, придавая своему голосу особенную мягкость, она спросила:

— Что ты делаешь наверху, красавица?

И фея, которая была настолько же добра, насколько и красива, начала утешать невольницу и разговаривать с ней. Знакомство быстро завязалось — чистая душа идет навстречу дружбе. Фея, ничего не подозревая, рассказала негритянке все то, что приключилось с нею и принцем, как она очутилась одна в лесу и что каждую минуту Карлино может прибыть с большой свитой, чтобы отвезти свою нареченную к королю Алых Башен и отпраздновать свадьбу в присутствии всего двора.

Слушая этот рассказ, африканка, исполненная злобы и зависти, придумала гнусную вещь.

— Сударыня, — сказала она, — ваш жених приближается со всей своею свитою, нужно быть наготове; ваша прическа в беспорядке, позвольте мне подняться к вам, я поправлю ваши волосы и причешу их.

— Вы милы, как первый день мая, — отвечала фея с миловидной улыбкой и протянула негритянке маленькую белую ручку, которая, охваченная двумя черномазыми лапами, походила на кристальное зеркало в черной раме. С трудом вскарабкавшись наверх, злая невольница распустила волосы феи и начала их причесывать, затем, внезапно схватив свою большую шпильку, она

воткнула ее в голову феи. Почувствовав смертельную рану, фея вскрикнула:

— Голубка! Голубка!

Тотчас же она обернулась голубицей и улетела. Между тем злодейка-невольница хладнокровно заняла место своей жертвы и скрыла свою черную голову в листве. Она казалась статуей из черного мрамора в изумрудной нише.

Между тем принц верхом на великолепном коне мчался во всю прыть, оставляя далеко за собою многочисленную кавалькаду, поднимавшую издали целый столб пыли. Если кто изумился при виде вороны на том месте, где был оставлен лебедь, то это был Карлино; еще немного — и он потерял бы сознание. Он хотел было говорить — слезы подавляли его голос. Он смотрел во все стороны, пытаясь найти свою возлюбленную под каждым листиком. Невольница же, придав себе страдальческий вид, сказала ему, опуская глаза:

— Не ищите, принц, злая фея избрала меня своею жертвой, злосчастный рок превратил вашу лилию в уголь.

Проклиная фей, насмехавшихся над его легковерием, Карлино, как истый принц, не пожелал нарушить данного слова. Он вежливо протянул Люции свою руку и помог ей спуститься с дерева, выпуская все время сильные вздохи, которые могли бы вырвать в лесу любой дуб с корнем. Когда африканку одели в наряд принцессы, когда покрыли ее брильянтами и кружевами, которые украсили ее, как звезды украшают ночь, делая ее еще более темной, Карлино посадил ее по правую свою сторону в великолепную карету, всю в стеклах, запряженную шестью белыми конями. В этом экипаже он направился к замку, с радост-

ным чувством приговоренного к смерти, ощущающего уже веревку на своей шее.

На расстоянии одной версты от замка они встретили старого короля. Чудесные рассказы сына вскружили ему голову. Невзирая на этикет и своих камергеров, он поспешил восхититься бесподобной красотой своей будущей невестки. Когда же вместо голубки, которую ему обещали, ему представили ворону, он воскликнул:

— Это уж слишком! Я хорошо знал, что мой сын безумец, но мне не говорили, что он слеп. Так это-то и есть та не сравнимая ни с чем лилия, искать которую он отправился на край света? Так это-то и есть та роза свежее утренней зари? Это-то и есть диво красоты, вышедшее из лимона? Неужели смеют подумать, что я допущу это новое глумление над моими сединами? Неужели полагают, что я оставлю царство Алых Башен, это славное наследие моих предков, черномазым арапчатам? Я не впускаю эту мартышку в мой дворец!

Принц бросился к ногам отца и пытался его умиловить. Первый министр, человек многоопытный, напомнил своему властелину, что зачастую в промежуток времени от утра до вечера белое становится черным, черное становится белым. Не следует удивляться совершенно естественной метаморфозе, которая, быть может, прекратится в первый же день. Что мог сделать владетель Алых Башен? Он был отцом, привык, следовательно, исполнять волю других, он уступил и изъявил, хотя весьма неохотно, свое согласие на этот своеобразный союз. «Придворная газета» объявила по всему королевству о счастливом выборе, сделанном принцем, и отдала населению приказ

веселиться. Свадьба была отсрочена всего лишь на восемь дней: этого было достаточно, чтобы закончить все приготовления к этой великой церемонии. Негритянку отвели в великолепные покои; графини оспаривали друг у друга честь одевать ей туфли, герцогини с трудом получали завидное преимущество передавать ей рубашку, затем город и дворец начали украшать флагами всевозможных цветов, разбирали стены, устраивали подставки для иллюминации, посыпали песком аллеи, исправляли старые речи, обновляли забытые комплименты, чинили поэмы и мадригалы, которые давно уже набили всем оскомину. Во всем королевстве слышалась одна лишь фраза: благодарить принца за выбор достойной его супруги.

Не была забыта и кухня: триста поваренков, сто поваров, пятьдесят дворецких приступили к работе под руководством знаменитого Бушибюса, шефа королевских кухонь. Кололи поросят, резали баранов, шпиговали каплунов, ошипывали голубей, жарили на вертеле индюков.

Не удаются хорошие празднества, если простой народ не получает в них своей доли.

Во время всеобщей суматохи прекрасная голубица с сизыми крыльями опустилась на одно из кухонных окон.

Ру-ку! Ру-ку! Ру-ку!
Скажите мне скорей,
Как поживает принц
С мартышкой своей.

Великий Бушибюс был слишком занят своими делами, чтобы обращать внимание на воркотню

голубя, но все-таки он был изумлен тем, что слышит птичий язык, и счел за лучшее рассказать об этом чуде своей новой госпоже, невесте принца Карлино.

Африканка не замедлила спуститься в кухню и, услышав пение, приказала Бушибюсу поймать голубицу и приготовить из нее рагу. Сказано — сделано. Бедный голубок позволил схватить себя без сопротивления. В одно мгновение Бушибюс, вооруженный своим огромным ножом, отрубил ему голову и кинул ее в сад. Три кровинки упало из головы на землю, и через три дня на этом месте появился свежий росток лимонного дерева, который так быстро рос, что зацвел еще до наступления вечера.

И вот случилось, что принц, стоя на балконе, увидел лимонное дерево, которого он ранее не замечал.

Он позвал повара и осведомился у него, кто посадил это прекрасное дерево.

Рассказ Бушибюса привел Карлино в большое замешательство; он приказал, чтобы под страхом смерти никто не трогал лимонного дерева и чтобы за ним устроили особенный, тщательный уход.

На следующий день принц, проснувшись, побежал в сад. На дереве уже висело три плода, три точно таких же лимона, которые когда-то Парка передала нашему герою. Карлино сорвал эти прекрасные плоды и заперся на ключ в своих покоях. Трепетной рукой он наполнил водою золотую чашу своей матери, украшенную рубинами, и раскрыл нож, с которым никогда не расставался. Он разрезал один лимон, из него вышла первая фея, Карлино даже не взглянул на нее и дал ей улететь, то же самое было и со второй, но как

только появилась третья, принц преподнес ей чашу, и она стала пить, улыбаясь, во всей своей невиданной красе.

Затем фея рассказала юному принцу о том, что ей пришлось перенести от злой негритянки, и Карлино вне себя, исполненный бешенства и радости, начал кричать, проклинять, петь, рыдать. Казалось, что в мгновение ока он перенесся с небес в преисподнюю и из преисподней к небесам. Шум был так велик, что прибежал сам король. Теперь настал его черед потерять рассудок, он пустился в пляс с короной на голове и со скипетром в руке. Затем он вдруг остановился, нахмурил брови, это было признаком того, что он думает о чем-то, накинул на свою невестку большую вуаль, которая покрыла ее с головы до ног, и, взяв ее за руку, повел ее в столовую залу.

Был час завтрака, министры и придворные стояли вокруг длинного, великолепно убранного стола: ожидали появления королевских особ, чтобы сесть за стол. Король подзывал к себе поочередно каждого из гостей, по мере приближения их к фее монарх поднимал вуаль, скрывавшую это возрождающееся светило, и спрашивал подходившего:

— Как следует поступить с тем, кто задумал погубить такую красавицу?

И каждый в изумлении отвечал по-своему. Некоторые полагали, что виновник подобного преступления заслуживает пенькового галстука, другие предлагали повесить ему камень на шею и бросить затем злоумышленника в воду. Отрубить голову казалось старому министру слишком мягкой карою для подобного преступника, он подал свой голос за то, чтобы с преступника живого

содрали кожу и чтобы все присутствующие рукоплескали при этом.

Когда наступила очередь негритянки, она приблизилась, ничего не подозревая, и не узнала феи.

— Государь, — сказала она королю, — чудовище, дерзнувшее посягнуть на эту очаровательную особу, заслуживает быть заживо сожженным в печи, пепел же следует развеять по ветру.

— Ты осудила себя самое! — вскрикнул король Алых Башен. — Несчастная! Узнай же свою жертву и приготовься к смерти. Пусть сложат костер на дворцовой площади! Я хочу сделать всем удовольствие при виде, как жарится эта колдунья. Это займет всех в течение одного-двух часов.

— Государь! — сказала молодая фея, схватывая руку короля, — Его величество не откажет мне в свадебном подарке?

— Конечно, нет, — отвечал старый король, — проси у меня чего душа пожелает. Захочешь ты мою корону — я буду счастлив предложить ее тебе.

— Государь, — отвечала фея, — подарите мне помилование этой несчастной. Ей, невольнице, невежде, несчастной, жизнь ничего не показала, кроме мстительности и зависти, позвольте мне осчастливить ее и показать ей, что счастье здесь, на земле, состоит в любви.

— Дочь моя, — отвечал король, — видно, что ты фея, ты не хочешь слышать о человеческом правосудии. У нас не исправляют злодеев — их убивают, это быстрее, но, как бы то ни было, я дал свое слово. Пригрей эту змею на свой страх и ответственность, я не стану противиться.

Фея подняла с пола негритянку, которая со

слезами целовала ей руки; сели за стол, король был так доволен, что ел за четверых. Что касается Карлино, не спускавшего глаз со своей невесты, то он пять или шесть раз в рассеянности обрезал себе палец, что каждый раз приводило его в самое прекрасное расположение духа. Все становится приятным, когда сердце очаровано.

После смерти старого короля, удрученного годами и славою, Карлино и его миловидная супруга вступили в свою очередь на престол. В течение полувека, если верить истории, они осчастливливали своих подданных, не воевали и любили друг друга, поэтому даже теперь, тысячу лет спустя, добрый народ Алых Башен все еще вздыхает, когда при нем вспоминают о том давнем времени, и не одни только малые детки спрашивают, когда же наконец вернется то время, когда царили феи.

ИВОНѣ ФИНЕТА

ИВОН И ФИНЕТТА

Бретонская сказка

I

ил некогда в Бретани благородный рыцарь; звали его бароном де Кервером. Его замок был самый красивый во всем крае. Это было большое готическое здание со сводами; стены казались украшенными прозрачными кружевами; издали его можно было принять за беседку, обвитую плющом. В первом этаже расписные и разукрашенные окна выдавались в виде балконов; шесть выходило на восток, шесть на запад. Утром, когда барон верхом на своем любимом коне уезжал в лес, сопровождаемый борзыми, он в каждом окне приветствовал одну из своих дочерей, которые с молитвенником в руке молили Бога о роде Керверов. При виде их белокурых головок, их голубых глаз, их сложенных рук можно было их принять за шесть мадонн в лазуревых нишах. Вечером, когда солнце садилось и барон после объезда своих владений возвращался домой, он издали

замечал в окнах, выходящих на запад, шестерых своих сыновей с темными кудрями, со смелыми взорами, надежду и славу семьи. Их можно было принять за шесть изваянных рыцарей у входа в храм. Когда на десять миль в окружности желали указать на счастливого отца и могущественного барона, други и недруги называли господина де Кервера.

В замке было всего двенадцать окон, а у барона было тринадцать детей. Младший, которому не доставало места, был красавец мальчик шестнадцати лет, и звали его Ивоном. Как водится, это был любимец. Утром при отъезде, вечером при возвращении барон всегда находил на пороге Ивона, который ожидал отца, чтобы его обнять. Со своими русыми кудрями, ниспадавшими почти до пояса, стройным станом, бойким отважным видом, смелыми движениями Ивон был любимцем всех бретонцев. Когда ему было двенадцать лет, он храбро напал на волка и убил его ударом топора; за это его прозвали Без Страха. Это было прозвище, которое он заслужил, так как никогда не встречалось более смелого сердца.

Однажды, когда барон оставался дома и для развлечения сражался на шпагах со своим конюшим, Ивон в дорожном платье вошел в оружейную палату и, преклонив колено, сказал:

— Мой господин и отец; я прошу вашего благословения, так как покидаю вас. Род Керверов богат рыцарями и не нуждается в дитяти; настала для меня пора искать счастья. Я отправляюсь в далекие края попытать свою силу и приобрести себе имя.

— Ты прав, Без Страха,— отвечал барон, взволнованный более, чем он хотел бы показать,—

я не удерживаю тебя, я не имею права тебя удерживать, но ты очень молод, мое дитя, быть может, тебе было бы лучше остаться еще год с нами.

— Мне шестнадцать лет, отец, в эти годы ты уже сразился с одним из Роганов; я не забыл, что наш герб — единорог, пронзающий льва, что наш девиз: «Вперед!» Я не хочу, чтобы у Керверов был повод краснеть за своего младшего потомка.

Ивон принял благословение отца, пожал руку братьям, обнял сестер, простился с рыдавшими вассалами и с легким сердцем отправился в дорогу.

Ничто не задерживало его на пути: река — он переправлялся вплавь, гора — он переходил ее, лес — он пробирался через него по солнцу. «Вперед, Керверы!» — восклицал он, как только встречал препятствие, и, что бы то ни было, волей-неволей он шел прямо вперед.

Прошло три года, как он странствовал по свету в поисках приключений, то победитель, то побежденный, всегда веселый и смелый, как вдруг ему предложили идти походом на норвежских язычников. Побить неверных и покорить королевство было двойным удовольствием; Ивон выбрал себе двенадцать смелых товарищей, нанял небольшое судно и водрузил на главной мачте голубой флаг с единорогом и девизом Керверов.

Море было прекрасно, ветер благоприятен, ночь ясна. Ивон, лежа на палубе, смотрел на звезды и искал ту, которая бросала свой мерцающий свет на отцовский замок. Вдруг судно наскочило на скалу, раздался страшный треск, мачты упали, как срубленные деревья, огромная волна

обрушилась на палубу и снесла все, что было на ней.

— Вперед, Керверы! — воскликнул Ивон, как только он выбрался на поверхность моря, и он поплыл так спокойно, как будто бы купался во рву древнего замка.

К счастью, взошла луна; Ивон заметил на некотором расстоянии темное пятно среди серебристых волн — это была земля. Он приблизился к ней не без усилий и достиг наконец берега. Промокнув до костей, выбившись из сил, задыхаясь, он пополз по песку, успокоился, помолился Богу и заснул.

II

Утром, при пробуждении, Ивон попытался осмотреться в стране, куда случай забросил его. Он заметил в отдалении здание величиною с собор, с окнами вышиною в пятьдесят футов. Он шел целый день, прежде чем достигнуть его, и очутился наконец перед огромной дверью, с таким тяжелым молотом, что рука человека не могла его поднять.

Ивон схватил большой камень и начал стучаться.

— Войди, — сказал голос, звучащий, как рев быка; в то же мгновение дверь раскрылась и маленький бретонец очутился лицом к лицу с гигантом ростом не менее сорока футов. — Как звать тебя и что тебе здесь надо? — спросил гигант, схватив нашего путешественника за ворот и поднимая его с земли, чтобы удобнее его разглядеть.

— Меня зовут Без Страха, и я ищу счастья;— отвечал Ивон, с вызывающим видом оглядывая великана.

— В таком случае, славный Без Страха, твое счастье обеспечено,— сказал великан с насмешкой в голосе,— мне нужен слуга, я беру тебя в услужение, ты вступишь тотчас же в свою должность. Теперь час, когда я отправляюсь пасти свое стадо; ты же вычистишь хлев. Я не даю тебе другой работы,— прибавил он, улыбаясь кончиками губ.— Ты видишь, я добрый хозяин. Делай свое дело и не шатайся по дому под страхом смерти.

«Поистине, у меня добрый хозяин, работа не тяжела,— подумал Ивон, когда ушел гигант.— У меня, слава Богу, есть время вымести хлев. Чем заняться покамест, чтобы разогнать скуку? Не осмотреть ли дом? Если мне запрещают взглянуть туда, значит, там есть на что посмотреть».

Он вошел в первую комнату, в ней стояла огромная печь с чугуном, висевшим на крюке. Чугун кипел, а в очаге не было огня.

— Это что такое? — сказал бретонец.— Тут какая-то тайна.

Он отрезал клоч своих волос, погрузил их в чугун и вынул их покрытыми медью.

— О! — воскликнул он.— Вот бульон совершенно нового сорта, глотнуть его, так живо получишь броню в желудке.

Он прошел в другую комнату, в ней также находился чугун, подвешенный за крючок и кипевший без огня. Ивон погрузил в него клоч волос и вынул их посеребренными.

«В доме Керверов,— подумал он,— бульон не так дорог, но, быть может, вкуснее».

Затем он вошел в третью комнату, там также

был чугунок, привешенный за крюк и также кипевший без огня. Ивон погрузил в него клоки волос и вынул их совершенно позолоченными. Блеск был так силен, что его можно было принять за солнечный луч.

— Славно! — воскликнул он. — У нас в Бретани у стариков есть поговорка: чем дальше, тем хуже; здесь наоборот: чем дальше, тем лучше. Что-то я найду в четвертой комнате, уж не суп ли из брильянтов?

Он открыл дверь и увидел нечто прекраснее драгоценных камней. Это была девушка такой дивной красоты, что при виде ее ослепленный Ивон опустился на колени.

— Несчастный! — воскликнула она трепетным голосом. — Что ты тут делаешь?

— Я здешний, — отвечал бретонец. — Сегодня утром гигант принял меня к себе на службу.

— На службу! — повторила девушка. — Упаси тебя небо от этого.

— Как так? — сказал Ивон. — У меня добрый хозяин, работа не тяжела. Раз хлев будет выметен, труд мой кончен.

— Да, но как ты возьмешься за него? — сказала незнакомка. — Если ты будешь работать, как все, тогда после каждой вилы навоза, которую ты выбросишь за дверь, десять вернутся обратно в окно. Но я скажу тебе, что надо делать. Поверни вилы, мети рукояткой — навоз исчезнет сам собою в одно мгновение.

— Слушаю, — сказал Ивон, затем он сел около девушки и начал с нею болтать.

Она была дочерью феи, которую гнусный великан сделал своею рабыней. Между товарищами по несчастью дружба возникает скоро; к концу дня

Финетта (так звали незнакомку) и Ивон дали обет не разлучаться друг с другом в том случае, если бы им удалось бежать от ужасного хозяина. Все затруднение состояло в выборе средства.

Быстро бегут часы, когда их проводишь в разговоре, вечер приближался; Финетта отослала от себя своего друга, советуя ему вымести хлев до прихода великана.

Ивон снял вилы со стены и, не отличаясь чрезмерной недоверчивостью, вздумал употребить их так, как он видел в своем древнем замке. Но при этом ему не посчастливилось, и он тотчас же бросил свое намерение, так как менее чем в минуту в хлев набралось так много навоза, что бедный малый не знал, куда деваться. Тогда он сделал так, как сказала ему Финетта: он взял вилы и начал мести рукояткой. В мгновение ока хлев был так чист, как будто бы в него ни разу не вступало ни одно животное.

По окончании работы Ивон уселся на скамью у входа в дом. Как только он заметил великана, он закинул голову кверху и заболтал ногами, напевая про себя родную песенку.

— Вымел ты хлев? — спросил великан, хмурия брови.

— Все готово, хозяин, — отвечал Ивон, нимало не смущаясь.

— Это мы сейчас увидим! — взвыл великан.

Ворча, он вошел в хлев, нашел, что все в порядке, и вернулся в ярости назад.

— Ты видел мою Финетту! — крикнул он. — Не из своих мозгов ты вытянул эту проделку!

— Кто такая твоя Финетта? — спросил Ивон, разевая рот и закрывая глаза. — Это, вероятно, местный зверек? Хозяин, покажи мне его.

— Молчи, дурак,— отвечал великан,— ты и без того скоро познакомишься с нею.

На другой день великан собрал своих овец, чтобы гнать их в поле, но перед уходом приказал Ивону пойти за его конем, который пасся на горе.

— А затем,— сказал он ему, злорадно усмехаясь,— отдыхай всю остальную часть дня. Ты видишь, я добрый хозяин. Исполни свою работу и, главное, не рыскай по дому, не то я отрублю тебе голову.

Ивон проводил удаляющегося великана прищуренными глазами.

— Поистине,— произнес он сквозь зубы,— ты добрый хозяин, но, несмотря на твои угрозы, я все-таки войду в дом и поболтаю с твоей Финеттой; остается лишь решить, не станет ли твоя Финетта скорее моей, чем твоей.

Он побежал в комнату девушки.

— Победа! — воскликнул он при входе.— Мне нечего делать целый день, как только пойти на гору и привести оттуда коня.

— Очень хорошо,— сказала Финетта,— но как ты словишь его?

— Вот славный вопрос,— возразил Ивон,— разве это такая трудная вещь — словить коня? Думается мне, что я ездил, вероятно, и на более злых конях, чем этот.

— Это не так легко, как ты думаешь,— отвечала Финетта,— но я скажу тебе, что нужно сделать. Как только ты подойдешь к животному, пламя и искры вылетят из ноздрей, как из горнила; возьми удило, которое спрятано за дверью конюшни, и кинь его коню прямо в зубы, тотчас же он станет смирным, как барашек, и ты можешь делать с ним что пожелаешь.

— Слушаю,— сказал Ивон.

Затем он сел рядом с Финеттой и начал с нею болтать. О чем они говорили? Обо всем понемногу, но как далеко ни залетали они в своей фантазии, они всегда возвращались к обещанию принадлежать друг другу и к необходимости бежать от великана. Часы бегут быстро, когда болтаешь таким образом. Наступал вечер, Ивон позабыл и про лошадь и про гору, Финетта была принуждена утешить его, советуя привести животное до прихода хозяина.

Ивон взял удило, спрятанное за дверью конюшни, и побежал на гору. Вот и конь, величиной со слона, он приближался вскачь, меча искры и пламя из своих ноздрей.

Ивон бесстрашно поджидал огромное животное, и когда оно раскрыло зияющую пасть, он бросил туда удило. Тотчас же конь стал послушным, как барашек. Ивон заставил его опуститься на колени, влез на спину и спокойно вернулся домой.

Окончив работу, наш бретонец уселся на скамье у входа в дом. Как только он заметил великана, он закинул голову вверх и заболтал ногами, напевая про себя родную песенку.

— Привел ты коня? — спросил великан, хмурия брови.

— Да, хозяин,— отвечал Ивон, нимало не смущаясь.— Прелестное животное, оно делает вам честь: послушно, красиво и хорошо выезжено. Оно там в конюшне, за овсом.

— Это мы сейчас увидим! — взвыл великан; ворча, он вошел в хлев, нашел все в порядке и вернулся в ярости назад.— Ты видел мою Финетту! — крикнул он.— Не из своих мозгов ты вытянул эту проделку!

— Хозяин, — сказал Ивон, разевая рот и закрывая глаза, — ведь это все одна и та же история. Кто твоя Финетта? Раз навсегда — покажи мне это чудовище.

— Молчи, дурак, — отвечал великан, — ты и без того скоро познакомишься с нею.

На третий день, на рассвете, великан собрал своих овец, чтобы гнать их в поле, но перед уходом он сказал Ивону:

— Сегодня ты отправишься в преисподнюю за процентами с моего капитала. А затем, — продолжал он, злорадно усмехаясь, — ты можешь отдыхать всю остальную часть дня. Ты видишь, я добрый хозяин.

— Добрый хозяин, положим, — проворчал Ивон, — но от этого моя задача не легче. Пойти повидаться с моей Финеттой, как говорит великан, необходимо, чтобы она помогла мне выпутаться из этого дела.

Осведомившись у своего друга о заданной на сегодня работе, Финетта сказала:

— Хорошо! Как ты теперь примешься за это дело?

— Положительно не знаю, — печально отвечал Ивон, — я никогда не бывал в преисподней, и если бы даже я узнал дорогу, я не знаю, что там нужно спросить. Говори, я тебя слушаю.

— Видишь ту высокую скалу? — сказала Финетта. — Это один из входов в преисподнюю. Возьми эту палку, ударь три раза о скалу, выйдет бес, весь пылающий огнем. Ты скажи ему, зачем ты пришел; он тебя спросит: «Сколько тебе надо?» Смотри, не забудь ответить: «Не более того, что я могу снести на себе».

— Слушаю,— сказал Ивон, затем он сел рядом с Финеттой и начал с нею болтать. Он так и остался бы сидеть у нее, если бы при наступлении сумерек девушка не услала бы его к высокой скале исполнять поручение великана.

Придя к указанному месту, Ивон нашел высокую гранитную скалу, о которую он три раза ударил палкой; скала раскрылась. Из нее вышел бес, весь в пламени.

— Что тебе надо? — вскричал он громовым голосом.

— Я пришел за процентами великана,— отвечал Ивон, нимало не смущаясь.

— Сколько тебе надо?

— Никак не более того, что я могу снести на себе,— отвечал бретонец.

— Счастлив же ты, что не спрашиваешь больше,— отвечало пламенное чудовище,— ступай в эту пещеру, ты в ней найдешь то, что тебе надо.

Ивон вошел и широко раскрыл глаза. Повсюду золото, серебро, брильянты, карбункулы, изумруды; их было там столько, сколько песка на дне морском. Юный Кервер наполнил мешок, вскинул его себе на плечи и спокойно вернулся домой.

По окончании работы наш бретонец уселся на скамье у входа в дом. Как только он заметил великана, он закинул голову кверху и заболтал ногами, напевая про себя родную песенку.

— Ходил ты в преисподнюю за моими процентами? — спросил великан, хмурия брови.

— Да, хозяин,— отвечал Ивон, нимало не смущаясь,— мешок там, вот расчет.

— Это мы сейчас увидим! — взвыл великан.

Он развязал шнурки мешка, который был так

наполнен, что золото и серебро посыпались во все стороны.

— Ты видел мою Финетту! — крикнул он. — Не из своих мозгов ты вытянул эту проделку!

— Хозяин, — отвечал Ивон, разевая рот и закрывая глаза, — у тебя все одна песня и один припев: «Моя Финетта да моя Финетта!» Раз навсегда — покажи мне эту штуку.

— Ладно, ладно, — отвечал великан, краснея от бешенства, — подожди до завтра, я тебя с ней познакомлю.

— Спасибо, хозяин, — отвечал Ивон, — это мило с вашей стороны, но по вашему веселому лицу я вижу, что вы шутите со мною.

III

На другой день великан ушел из дому, не дав Ивону никакого поручения, что беспокоило Финетту. В полдень он вернулся без стада и, жалуясь на усталость и жару, сказал молодой девушке:

— Ты найдешь у входа малыша, моего слугу, отруби ему голову и свари его в большом чугуне. Когда бульон будет готов, позови меня.

Затем он растянулся на постели и заснул. Он храпел так громко, что можно было подумать, что гром содрогает горы.

Финетта приготовила плаху, взяла большой нож и позвала Ивона. Она слегка уколола его мизинец, три кровинки упало на плаху.

— Этого достаточно, — сказала молодая девушка, — теперь помоги мне наполнить чугунок.

Они начали бросать в него все, что только могли найти. Старые платья, старые башмаки, старые ковры и прочее. Затем Финетта взяла Ивона за руку, повела его в три передние комнаты, отлила три золотых шарика, два серебряных и один медный и вышла, бегом направляясь к морю.

— Вперед, Керверы! — воскликнул Ивон, почувствовав себя на свободе. — Объясни мне, дорогая Финетта, какую комедию мы играем с тобой в эту минуту?

— Бежим! Бежим! — отвечала она ему. — Если до заката солнца мы не покинем этого злополучного острова, мы погибли.

— Вперед, Керверы! — отвечал Ивон, смеясь. — Да сгинет великан!

Прохрапев с добрый час, великан приоткрыл один свой глаз и, сладко потягиваясь, произнес:

— Скоро сварится?

— Только что начинается, — отвечала первая кровинка на плахе.

Великан отвернулся к стене и снова захрапел, сильнее прежнего. Проспал он час или два, потянулся, приоткрыл глаз и крикнул:

— Послушай! Скоро ли готово?

— Закипает, — отвечала вторая кровинка на плахе.

Великан снова отвернулся и проспал еще час. Затем он протянул свои громадные ноги и вскрикнул:

— Неужели еще не готово?

— Готово, — отвечала третья кровинка на плахе.

Великан поднялся, сел на постели, протер глаза и стал искать того, кто с ним говорил,

но, как он ни смотрел, он никого не замечал.

— Финетта, — заревел он, — отчего не накрыт стол?

Ответа не последовало. Взбешенный великан вскочил с постели, схватил свою ложку, походившую на котел, насаженный на вилу, и погрузил ее в котел, чтобы отведать бульон.

— Финетта! — заревел он. — Ты забыла положить соли! Что это за бульон? Я не вижу в нем ничего мясного!

Но взамен этого он увидел в нем свой ковер, который еще не успел вывариться. При виде его великан пришел в такую ярость, что еле удержался на ногах.

— Злодеи! — воскликнул он. — Вы насмеялись надо мной, поплатитесь же вы за это!

Он вышел из дому с дубиной в руке и делал такие шаги, что через четверть часа он заметил обоих беглецов еще на порядочном расстоянии от берега. От радости он испустил крик, который вызвал эхо на двадцать миль в окружности.

Финетта в трепете остановилась, Ивон привлек ее к своему сердцу.

— Вперед, Керверы! — сказал он. — Море недалеко, мы достигнем его ранее врага.

— Вот он! Вот он! — крикнула Финетта, указывая на великана, который был не более как в ста шагах. — Мы погибли, если нас не спасет этот талисман!

Она вынула медный шарик и кинула его оземь.

Тотчас же земля раскололась со страшным треском. Огромная трещина, бездонный обрыв, остановила великана, который уж протянул было руку, чтобы схватить добычу.

— Бежим! — воскликнула Финетта, схватив

руку Ивона, насмешливо глядевшего на великана.

Великан принялся бегать вдоль бездны то в одну, то в другую сторону, как медведь в клетке, ища повсюду переправы и нигде не находя ее. Затем дрожащей от бешенства рукою он вырвал огромный дуб и перекинул его через трещину. Дерево упало и чуть не задавило своими ветвями беглецов, великан сел верхом на этот естественный мост, согнувшийся под ним, и, повиснув таким образом между небом и землею, он начал осторожно подвигаться вперед, с трудом прокладывая себе путь среди ветвей. Когда он добрался до другой стороны обрыва, Ивон и Финетта были уже у берега, перед ними бушевало море.

Увы, нигде не было ни барки, ни судна. Беглецы погибли. Ивон, бесстрашный, как всегда, начал собирать камни, чтобы напасть на великана и дорого продать ему свою жизнь. Финетта в сильном волнении вынула один из серебряных шариков и кинула его в волны.

Как только шарик скрылся в волнах, из волн поднялся корабль прекрасный, как лебедь, распускающий навстречу ветру свои белоснежные крылья. Ивон и Финетта вошли в море, им перекинули канат, и когда взбешенный великан подбежал к берегу, корабль уже удалялся на всех парусах, оставляя за собою длинную борозду света и морской пены.

Великаны не любят воды, это факт, доказанный уже стариком Гомером, хорошо знавшим Полифема, подтверждение того же самого можно найти во всех «Естественных историях», заслуживающих сего названия. Хозяин Финетты имел сходство с Полифемом, он побагровел при виде бегства своих рабов, он бегал в бешенстве по

берегу, кидал в корабль громадные глыбы скал, которые, к счастью, не попадали в цель, а производили лишь большие темные углубления в море; наконец, потеряв рассудок от гнева, он кинулся очертя голову в волны и поплыл за кораблем с ужасающей быстротой. С каждым взмахом руки он приближался на сорок футов, пыхтя, рассекая волны и борясь с морской пучиной подобно киту. Постепенно он настигал своих врагов. Оставалось приложить лишь одно небольшое усилие, чтобы схватить корабельный руль, и он уже протянул к нему свою косматую руку, как вдруг Финетта, обливаясь слезами, бросила в море второй серебряный шарик.

Из пенистых волн вынырнула внезапно гигантская пила-рыба. Она бросается на великана, едва успевшего нырнуть. Она загоняет его под гребни волн, следит за всеми его движениями и заставляет его плыть изо всех сил обратно к острову, которого несчастный достигает наконец с большим трудом и падает на берег, промокнув до костей, изнуренный, побежденный.

— Вперед, Керверы! — крикнул Ивон. — Мы спасены!

— Нет еще, — отвечала с трепетом в голосе Финетта. — У великана есть крестная мать колдунья, боюсь, как бы она не вздумала отомстить за оскорбление, нанесенное мною ее крестнику. Благодаря моему знакомству с волшебными чарами я узнала, что, если ты хоть на одну минуту покинешь меня, мой дорогой Ивон, я должна опасаться всего до тех пор, пока ты не дашь мне свое имя в дворцовой часовне Керверов.

— Клянусь единорогом моих предков! — вскрикнул Ивон. — Дорогая Финетта, у тебя душа зайца, а не бретонки. Разве меня нет с тобою? Разве я тебя покидаю? Неужели ты думаешь, что судьба вырвала нас из когтей этого чудовища, чтобы утопить нас у берегов моей родины?

Он так весело засмеялся, показывая свои белые красивые зубы, что и Финетта стала смеяться над своим минувшим страхом. О, юность, юность! Как скоро исчезают твои печали! Солнце так быстро осушает упавший дождь, что даже непогода твоя приятнее счастливых дней старости!

IV

Дальнейшее путешествие прошло прекрасно. Казалось, невидимая рука направляла корабль к берегам Бретани. Двадцать дней спустя после отъезда они высадились в небольшом заливе, не вдалеке от замка Керверов. Выйдя на берег, Ивон хотел было поблагодарить экипаж корабля, но никого уже не было видно. Судно вместе со шлюпкой погрузилось в волны, не оставив после себя никаких иных следов, кроме крыла чайки.

Ивон узнал то место, где он часто в дни своего детства собирал раковины и охотился за морскими раками, прятавшимися в своих норах. Через полчаса, не более того, он должен был увидеть своды и башни древнего замка. Сердце его билось, он нежно взглянул на Финетту и впервые заметил ее причудливый наряд, ничуть не подходящий даме, намеревавшейся вступить в благородную семью Керверов.

— Дорогое дитя, — сказал он ей, — барон, мой отец, важный барин, привыкший к тому, чтобы его все уважали. Я не смею представить ему тебя в подобном цыганском одеянии, и тебе не пристало войти пешком в наш величественный замок: это пристойно бродягам. Обожди меня несколько минут — я вернусь с платьями и верховым конем одной из моих сестер. Я желаю, чтобы тебя встретили, как даму высокого происхождения, и чтобы при твоём появлении мой отец сам вышел на крыльцо и счел бы за честь помочь тебе сойти с коня.

— Ивон! Ивон! — воскликнула Финетта. — Не покидай меня, умоляю тебя: как только ты вернешься в свой замок, ты меня забудешь, я это знаю.

— Тебя забыть! — воскликнул Ивон. — Если бы кто-либо другой, а не ты, нанес мне подобную обиду, я с мечом в руке научил бы его, что значит сомневаться в Кервере. Тебя забыть, моя Финетта! Ты не знаешь, что такое значит преданность бретонца.

Бретонцы преданны, никто не сомневается в этом, но они еще в большей степени упрямы, это черта, которую никто не будет у них оспаривать. Как ни молила своим нежным голосом бедная Финетта, ей пришлось в конце концов уступить. Она сдалась против воли и сказала Ивону:

— Так ступай же без меня в свой замок, но не оставайся там долго, лишь столько, чтобы наскоро поздороваться со своими. Беги прямо в конюшню и возвращайся как можно скорее. Тебя окружают со всех сторон, старайся ни на кого не смотреть и, главное, не ешь и не пей ничего. Не проси ничего,

кроме стакана воды, иначе не миновать нам с тобою несчастья.

Ивон обещал и поклялся исполнить все то, что говорила ему Финетта, но в душе он смеялся над ее женской слабостью. Он был спокоен за себя и горделиво размышлял, что бретонец вовсе не походит на этих легкомысленных французов, слово которых, как говорят, уносится первым дуновением ветра.

Когда наш скиталец вошел в древний замок, он с трудом узнал его пасмурные стены. Сверху донизу окна были украшены зеленью и цветами; двор был устлан свежей травой, на одном конце двора стояли столы, ломившиеся под тяжестью яств, вино лилось рекою; на другом конце двора скрипачи, сидя на бочках, играли на своих инструментах. Вассалы с женами в праздничных нарядах плясали и пели, пели и плясали. В замке было большое торжество, даже барон улыбался. Правда, он выдавал свою пятую дочь замуж за кавалера де Кернавалека, подобный благородный союз прибавлял лишний цветок к блестящему гербу старика Кервера.

Ивон, узнанный и приветствуемый толпою, был тотчас же окружен своими. Его целовали, хватали за руки.

Где он пропадал? Откуда он явился? Привез ли он невесте драгоценное ожерелье какой-нибудь королевы? Покровительствовали ли ему феи? Сколько соперников сбрасывал он с коня на турнирах? Все эти вопросы скрещивались и терялись в воздухе. Ивон почтительно поцеловал руку своего отца, поспешил в комнаты своих сестер, выбрал два самых лучших платья, пошел в конюшню, оседлал верхового коня одной из своих

сестер, вскочил на прекрасного испанского жеребца и хотел было выехать из замка, как увидел перед собою своих родных, друзей, конюших, вассалов, всех с кубками в руке: они хотели чокнуться со своим юным господином и выпить по случаю его благополучного возвращения.

Ивон весьма вежливо поблагодарил их, приветствовал мановением руки эту дружественную толпу, прокладывая себе понемногу сквозь нее дорогу. Как вдруг у выхода, близ спущенного подъемного моста, дама, с которою он не был знаком, быть может, сестра жениха, блондинка с гордым, спесивым видом, приблизилась к нему, держа двумя пальцами небольшое румяное яблочко.

— Прекрасный рыцарь, — проговорила она со странной улыбкой, — вы не отклоните первую просьбу, которую предъявляет к вам дама. Ответьте, пожалуйста, это яблочко. Я полагаю, что после долгого путешествия, если вы даже и не чувствуете ни голода, ни жажды, вы не забыли, по крайней мере, законов вежливости.

Ивон не осмелился отказать, он сплоховал. Как только он вкусил яблоко, он оглянулся вокруг себя с видом человека, пробуждающегося ото сна.

«Почему я сию верхом? — подумал он. — Что означает этот конь, которого я веду за собой? Разве мое место не около отца на свадьбе моей сестры? Зачем покидать замок?»

Он кинул повод своего коня одному из конюших, ловко соскочил с коня, предложил руку блондинке, которая с этой минуты выбрала его своим кавалером и в знак своего расположения дала ему на хранение свой букет.

Не истек еще вечер, как в замке Керверов было двумя обрученными более. Ивон поклялся в верности незнакомке. Финетта была позабыта.

V

Сидя на берегу моря, Финетта целый день поджидала Ивона, но Ивон не приходил. Солнце утонуло в багровых волнах, когда Финетта со вздохом поднялась с места и в свою очередь направилась к замку. Немного спустя она вышла на пустынную дорогу, окруженную диким терном в цвету, и очутилась перед убогой хижинкой, у входа в которую беззубая старуха готовилась доить свою корову. Финетта подошла к ней и, вежливо поклонившись, попросила дать ей убежище на ночь.

Старуха оглядела незнакомку с ног до головы. В своих полусапожках, опущенных мехом, длинной юбке темно-красного цвета, голубом корсаже, обшитом янтарем, и в диадеме Финетта скорее походила на египтянку, чем на христианку. Старуха нахмурила брови и, грозя бедной сироте кулаком, воскликнула:

— Убирайся вон, колдунья, нет места для тебя в этом честном жилище!

— Матушка, — сказала Финетта, — дайте мне хоть уголок в хлеву.

— Вот как? — возразила старуха, улыбаясь во весь рот и обнаруживая единственный свой зуб, который выглядывал изо рта в виде клыка. — Ты просишь уголок в хлеву? Я дам тебе его, если ты наполнишь мне золотом это ведро.

— По рукам, — спокойно отвечала Финетта.

Она открыла кожаный мешочек, висевший на кушаке, вынула оттуда золотой шарик и кинула его в ведро.

Тотчас послышался на дне ведерка звон червонцев, они поднимались все выше и выше, подпрыгивая, как рыбки в сетке, в то время, как изумленная старуха вскочила, просунула руку под дужку ведра и, кланяясь Финетте, воскликнула:

— Сударыня, все ваше — дом, корова и остальное! Ура! Я уйду в город и заживу там барыней, ничего не делаю! Ах! Если бы только я была моложе шестидесяти лет!

И вот, опираясь на свой костыль и не оглядываясь назад, старушка побежала по направлению к замку Керверов.

Финетта вошла в хижину, это была ужасная яма, темная, низкая, сырая, зловонная, полная пыли и паутины. Печальное убежище для девушки, привыкшей жить в большом замке великана! Хладнокровно приблизилась Финетта к очагу, где дымилось несколько терновых полузасохших веток, вынула из мешочка золотой шарик и бросила его в огонь.

И в то же мгновение со всех сторон вливается золото и подымается по всему дому, подобно воде, бьющей ключом, и вот весь домик, стены, крыша, деревянное кресло, скамья, сундук, кровать, коровьи рога, все, до пауков в углах, превращается в золото. Можно было подумать, что это сказочная китайская беседка.

При свете луны сквозь чащу деревьев домик блестел, как звезда в ночи. Когда Финетта подоила корову и напилась молока, она, не раздеваясь, бросилась на кровать и, усталая от дневных невзгод, заснула вся в слезах.

Старухи не умеют держать язык за зубами, особенно в Бретани.

Добравшись до деревушки, находившейся недалеко от замка Керверов, старуха побежала к дворецкому. Это было важное лицо, которое не раз заставляло трепетать старуху, когда она ненароком заходила на барскую кухню. Дворецкий выслушал сообщение старухи, покачал несколько раз головою, заявив, что все это вздор и пустяки, затем незаметно он взял весы, взвесил старухины червонцы, которые оказались отличной чеканки и высокой пробы, оставил у себя самый лучший, какой только мог найти, и в заключение посоветовал своей собеседнице никому не говорить об этом странном приключении.

— Если в это дело вмешаются смотритель или господский воевода, — сказал он, — то самое меньшее, что с тобою может случиться, это то, что ты никогда не увидишь этих маленьких золотых кружочков. Эти господа не любят дележа: без долгих размышлений и разговоров они берут все полностью.

Старуха поблагодарила дворецкого за совет и решила следовать ему. Поэтому в тот вечер она никому не рассказала своей истории, кроме двух соседок, своих самых лучших подруг; обе поклялись ей головой своих маленьких деток хранить все в тайне. Клятва была так торжественна и так свято хранима, что на другой день в полдень в селе не было мальчишки, который не указывал бы пальцем на старуху, даже собаки, лая на нее, казалось, говорили на своем языке о ее червонцах.

Не каждый день можно встретить девушку, которая занималась бы наполнением ведер чер-

вонцами. Будь она даже колдуньей, в хозяйстве подобная девушка была бы настоящим сокровищем. Дворецкий, который не был женат, был занят этими размышлениями вечером перед сном, поэтому он встал до рассвета, чтобы отправиться к незнакомке. В утренних сумерках он заметил вдалеке нечто вроде сияния среди деревьев и весьма удивился, когда вместо убогой хижины увидел золотой дом. Но что удивило и восхитило его гораздо более при входе в этот дворец,— это была красавица девица с темными волосами, прявшая у окна с величием императрицы.

Как и все мужчины, дворецкий знал себе цену и сознавал в глубине души, что не было на свете женщины, которая не сочла бы за счастье отдать ему свою руку. Поэтому он объявил немедленно Финетте, что пришел на ней жениться. Девушка начала смеяться, дворецкий взбесился.

— Берегись,— сказал он ей угрожающим голосом,— я здесь хозяин. Неизвестно, кто ты такая, неизвестно, откуда ты пришла. Золото, которое ты подарила старухе, подозрительно, в этом доме неладно. Если ты тотчас же не согласишься сделаться моей женою, я арестую тебя и, быть может, ранее сегодняшнего вечера на костре перед дворцом Керверов сожгу колдунью.

— Вы весьма любезны,— сказала Финетта с грациозной улыбкой,— у вас замечательно своеобразный способ ухаживать за дамами. Вежливый человек всегда щадит робость и застенчивость.

— Мы, бретонцы,— сказал дворецкий,— весьма услужливы, мы прямо идем к цели. Свадьба или тюрьма? Выбирай.

— Хорошо,— проговорила Финетта, покидая

свою прялку.— Ах! Посмотрите, огонь выпал в комнату.

— Не беспокойся,— сказал дворецкий,— я брошу головни обратно в очаг.

— Поправьте как следует огонь,— попросила Финетта,— отодвиньте золу подальше, вы держите щипцы?

— Держу,— отвечал дворецкий, подбиравший в это время дымившиеся уголья.

— Абракадабра! — воскликнула, вставая, Финетта.— Держи щипцы, злодей, до вечера, не расставайтесь друг с другом до заката солнца.

Сказано — сделано. Злой дворецкий оставался на своем месте в течение целого дня, подбирая и бросая в очаг щипцами дымящиеся уголья, которые летели ему в лицо, горячий пепел, который проникал ему в глаза. Сколько он ни кричал, ни молил, ни плакал, ни ругался, никто не слышал его. Если бы Финетта осталась дома, она, без сомнения, сжалилась бы над несчастным, но, околдовав его, она побежала к морю. Там, позабыв все на свете, она поджидала Ивона, который все еще не возвращался.

Как только солнце скрылось, щипцы выпали из рук дворецкого. Он, не мешкая долго, бросился бежать без оглядки, как будто сам дьявол гнался за ним по пятам. Он прыгал, вздыхал, лицо было покрыто сажей и ожогами, все члены заковенели, все в деревне сторонились его, как сумасшедшего. Более смелые пытались заговорить с ним, но он бежал, не отвечая, и спрятался наконец в своем доме, стыдясь, как волк, попавший лапою в капкан.

Вечером, когда разочарованная Финетта вернулась в свое жилище, она нашла там не дворец-

кого, а другого посетителя, который был грозен не менее первого.

Смотритель также услышал рассказ о червонцах и также дал себе слово жениться на незнакомке. Он не был таким невежей, как дворецкий, это был толстый весельчак, который не произносил слова без смеха, причем он оскаливал свои большие желтые зубы и отдувался, как бык. В душе же он был не менее упорен, не менее грозен, чем его предшественник. Финетта умоляла господина смотрителя оставить ее в покое, господин смотритель начал смеяться и любезно сообщил своей невесте, что в силу своей должности он имеет полное право вешать людей без всякого суда. Сложив руки, Финетта плакала. Вместо всякого ответа смотритель вынул из кармана свиток пергамента, на котором он написал акт бракосочетания, объявил Финетте, что он не уйдет до тех пор, пока обязательство не будет ею подписано, хотя бы ему пришлось оставаться всю ночь в хижине.

— Однако, — прибавил он, — если моя персона тебе не нравится, я не настаиваю, у меня есть второй пергамент, на котором я могу написать совершенно иное; и если мое присутствие тебя стесняет, то нет ничего проще, как навеки закрыть тебе глаза.

Говоря это, он выразительно провел рукою вокруг шеи и высунул язык с весьма красноречивым выражением, как бы созданным для увеселения людей.

— Боже! — сказала Финетта. — Быть может, я решилась бы исполнить то, что вы желаете, если бы я могла быть уверена, что найду в вас хорошего супруга, но я боюсь.

— Чего, дорогое дитя? — спросил смотритель, горделиво улыбаясь, как павлин, распутивший хвост.

— Неужели вы думаете, — сказала она с лукавым выражением, — что хороший супруг оставил бы эту дверь открытой и не почувствовал бы, что сквозной ветер морозит его жену?

— Не беспокойся, я закрою дверь.

— Вы взяли за ручку? — спросила Финетта.

— Взятая, моя прелесть, — отвечал счастливый смотритель, — я сейчас закрою дверь.

— Абракадабра! — воскликнула Финетта. — Держи дверь до рассвета, не расставайся с нею до восхода солнца!

И вот дверь начала открываться, захлопываться и биться о стену, она походила на орла, машущего крыльями. Судите сами, какова была пляска бедного пленника, продолжавшаяся в течение долгой ночи, он ни разу в жизни не вальсировал подобным образом, и, я полагаю, после того он не испытывал желания повторить ее когда бы то ни было. То он выталкивал дверь на улицу, то дверь отбрасывала его к стене и едва не разбивала его на части. Он появлялся, исчезал, он кричал, клялся, он плакал, молил — напрасный труд: дверь оставалась глухой, а Финетта заснула.

На рассвете его кулаки разжались, и он чуть не упал. Не думая ни о чем, он пустился бежать, как бы преследуемый сарацинами. Он даже не оглядывался, опасаясь, что дверь гонится за ним по пятам. К счастью, все еще спали, когда он добрался до деревни Керверов; он мог спрятаться в свою постель, никому не показав своей печальной физиономии. Всесильная судьба! Он был совершенно разбит с головы до ног и так истощен, так

расстроен, так дрожал, что его можно было принять за дух мельника, ускользнувший из преисподней.

Когда Финетта открыла глаза, она увидела около себя человека, одетого в черное, в бархатной шляпе, при шпаге, настоящего рыцаря. Это был придворный воевода Керверского баронства. Со скрещенными руками он глядел на молодую девушку с выражением, которое обдало Финетту холодом до мозга костей.

— Твое имя, вассалка? — спросил он громовым голосом.

— Финетта, ваша покорная слуга, милостивый государь, — отвечала она трепетным голосом.

— Этот золотой дом и эта золотая мебель принадлежат тебе?

— Да, государь, — отвечала она, — они к вашим услугам.

— Хорошо, что я слышу от тебя это, — отвечал мрачный воевода. — Вставай, вассалка, я оказываю тебе честь, женюсь на тебе и беру тебя под свою защиту. Тебя, твою личность и твоё имущество.

— Государь, — отвечала Финетта, — это слишком большая честь для бедной девушки в моем положении, я не что иное, как иностранка без друзей, без родных.

— Молчи, вассалка, — отвечал воевода, — я твой владыка и властелин, я буду действовать в твоих интересах. Подписывай эту бумагу.

— Государь, — отвечала Финетта, — я не умею писать.

— Полагаешь ли ты, что я умею писать лучше твоего? — отвечал воевода голосом, заставившим содрогнуться всю хижину. — Уж не принимаешь

ли ты меня за писца? Крестик — вот подпись благородных людей.

Он поставил большой крест на бумаге и подал перо Финетте.

— Подписывай, — сказал он. — Если ты боишься сделать крест, то судьба твоя решена, колдунья, я лично приведу приговор в исполнение.

Одновременно с этим он вынул свою тяжелую шпагу из ножен и бросил ее на стол.

Вместо всякого ответа Финетта выпрыгнула из окна и поспешила спрятаться в хлев. Воевода кинулся было за нею, но при входе в хлев непредвиденное препятствие его задержало. Перепуганная корова попятилась при виде молодой девушки и очутилась в двери; Финетта держала животное за рога, пользуясь им, как щитом.

— Ты не ускользнешь от меня, колдунья! — воскликнул воевода, рукою Геркулеса схватил корову за хвост и начал тянуть ее из хлева.

— Абракадабра! — воскликнула Финетта. — Держи хвост моей коровы, злодей, не расставайтесь друг с другом до тех пор, пока не обежите вдвоем вокруг света!

И вот корова понеслась, как молния, влача за собою злополучного воеводу. Ничто не задерживало двух неразлучных путешественников. Они неслись через горы и доли, переносились через болота, реки, рытвины и кустарники, скользили по морю, не погружаясь в него, мерзли в Сибири, задыхались от жары в Африке, взлетали на Гималаи, срывались с Монблана, и, наконец, после тридцатипестичасового ни с чем не сравнимого полета оба, запыхавшись и устав, остановились на площади Керверского селения.

Воевода, прикрепленный к коровьему хво-

сту,— зрелище, которое не каждый день приводится видеть. Поэтому вся деревня и барская дворня собрались поглазеть на невиданное зрелище. Но как ни был воевода расцарапан африканскими кактусами и азиатскими кустарниками, он не изменил своей гордой осанки. Угрожающим жестом он разогнал всю эту деревенскую толпу и, прихрамывая, потащился к своему дому освежиться и отдохнуть, в чем он начинал чувствовать потребность.

VI

В то время как дворецкий, смотритель и воевода испытывали эти мелкие неприятности, хвастаться которыми они, впрочем, и не думали, в замке Керверов готовились к большому торжеству. За два дня все приготовления к нему были закончены. Это было бракосочетание Ивона с блондинкой. Все друзья за двадцать верст в окружности были уже налицо. И вот в одно прекрасное утро Ивон и его нареченная с господином и госпожой де Кервер заняли места в широкой карете, украшенной зеленью, и торжественно направились к знаменитому монастырю Сен-Маклу.

Справа и слева ехали сто рыцарей, закованных в железо, на украшенных лентами конях. В знак особого почета каждый из них поднял забрало и держал копьё у ноги. За каждым бароном оруженосец, также на коне, держал знамя своего господина. Во главе шествия гарцевал воевода с золотым жезлом в руке. За каретой с важностью выступал смотритель в сопровождении вассалов и вассалок, между тем как дворецкий обуздывал

мужиков и крепостных, непослушную толпу, в равной степени болтливую и любопытную.

На расстоянии одной мили от замка при переправе через речку, пересекавшую путь, один из вальков кареты сломался, пришлось остановиться. Исправив повреждение, погнали лошадей, те рванули с такой силой, что новый валеk сломался на три части. Шесть раз заменяли эту несчастную деревяшку, и шесть раз она ломалась, так что никак не удавалось выбраться из трясины, в которой застряла карета с женихом и невестой.

Каждый подал свой совет: крестьяне, как опытные тележники и ремесленники, не были последними в обсуждении, как вытащить карету. Это придало смелости дворецкому, он приблизился к барону де Керверу, снял шляпу и сказал:

— Государь, в том домике, который просвечивает сквозь листву, живет незнакомка, которая ничем не занимается. Попробуйте занять у нее ее щипцы, чтобы из них сделать валеk, я знаю, что он выдержит до завтрашнего дня.

Барон кивнул головой, десять человек крестьян побежали к домику Финетты, та любезно передала им золотые щипцы. Их прикрепили вместо валька, пристегнули постромки, удар кнутом, лошади потянули и сдвинули карету, как перышко.

Все обрадовались, но ненадолго. В ста шагах, не далее, от того места дно кареты раскололось и вывалилось; еще немного, и весь благородный дом Керверов исчез бы, как будто его сбросили в яму. Тотчас же каретники и плотники принялись за работу: напилили досок, прибили их мощными ударами, в мгновение ока несчастье было

исправлено. Вперед, Керверы! Двигаются, полкареты остается позади, госпожа де Кервер сидит неподвижно рядом с невестой, между тем как Ивон с бароном унесены вперед скачущими конями.

Новое замешательство, новый взрыв отчаяния, три раза чинили карету, три раза она ломалась. Не заколдована ли она?

Каждый вставил свое слово, это придало смелости зрителю. Он приблизился к барону де Керверу, отвесил ему глубокий поклон и сказал:

— Государь, в том домике, который просвечивает сквозь листву, живет иностранка, которая ничем не занимается. Попробуйте занять у нее дверь, чтобы из нее сделать дно кареты, я знаю, что дверь выдержит до завтрашнего дня.

Барон кивнул головой; двадцать человек крестьян побежали к домику Финетты, та любезно передала им золотую дверь. Ее вставили под карету, и она пришлась так, как будто бы была нарочно для этого вырублена. В путь! Монастырь виден, все невзгоды путешествия забыты.

Как бы не так, кони вдруг останавливаются и отказываются тянуть. Их было четверо, припрягли шесть, восемь, десять, двенадцать, двадцать четыре; напрасные усилия, карета не сдвигалась с места. Чем более хлестали лошадей, тем глубже погружались колеса в землю, как острие плуга.

Что делать? Идти пешком было бы совестно. Сесть верхом на лошадь и подъехать к монастырю подобно обыкновенным смертным не входило в привычки Керверов. Пытались вытянуть карету, налегали на колеса, кричали, волновались, но, хотя говорили много, вперед не подвигались.

Между тем день клонился к вечеру, и час, назначенный для бракосочетания, истекал.

Каждый подавал свой совет, это придало смелости воеводе. Он приблизился к барону де Керверу, слез с коня и, подняв свой бархатный берет, проговорил:

— Государь, в том домике, который просвечивает сквозь листву, живет незнакомка, которая ничем не занимается. Попробуйте занять у нее корову, чтобы вытащить карету, я знаю, что эта скотина будет тянуть до завтрашнего дня.

Барон кивнул головой, тридцать человек крестьян побежали к домику Финетты, которая весьма любезно одолжила им свою корову с золотыми рогами.

Въехать в монастырь в карете, запряженной коровою, быть может, и мало имело общего с мечтами высокопарной блондинки, но все-таки это было лучше, чем сидеть на дороге, не выходя замуж. Итак, впрягли корову во главе четырех коней и стали было ждать, что станет делать это прославленное животное.

Но прежде чем кучер успел взмахнуть своим бичом, корова рванулась вперед, как будто вновь приготавливаясь ко второму кругосветному путешествию. Кони, карета, барон, жених с невестой — все было увлечено бешеным животным. Тщетно пришпоривали рыцари своих коней, чтобы не отстать от жениха с невестой, тщетно бежали вассалы и поселяне во всю прыть, перескакивая препятствия и толкая друг друга. Карета летела, как на крыльях, птица не могла бы поспеть за нею.

Достигнув ворот монастыря, свадебный поезд, немного расстроенный подобным быстрым бегом, не отказался бы от остановки. Все было готово для

церемонии бракосочетания, уже давно поджидали жениха с невестой. Но вместо того, чтобы остановиться, корова удваивает быстроту своего бега. Тридцать раз она обежала вокруг монастыря с бешеной быстротой горшечного колеса, затем, внезапно повернув на прямую линию к замку, прямо через поля она понеслась с такою быстротой, что еще немного, и все Керверы были бы разнесены вдребезги, прежде чем могли бы достигнуть четырех стен своего древнего замка.

VII

Нечего было более помышлять в тот день о свадьбе, но столы были уже накрыты, обед подан, и барон де Кервер был слишком благородным рыцарем, чтобы проститься со своими добрыми бретонцами, не напоив и не накормив их, как это водится, то есть от заката до восхода солнца, а может быть, и позднее.

Пригласили садиться за стол. Всего было девятью шесть столов, поставленных в восемь рядов «покоем». Впереди, на большой эстраде, покрытой бархатом, с балдахином посередине, стоял стол, шире других, весь уставленный фруктами и цветами, не говоря уже о жареных косулях и павлинах, которые дымились, покрытые искусственными перьями. Здесь должны были сесть новобрачные, у всех на виду, чтобы все могли вдоволь ими любоваться. Устроили так, чтобы самый последний из поселян имел бы счастье приветствовать новобрачных, осушая свою чашу, наполненную медом, в честь и во здравие высокого и могущественного рода Керверов.

Барон пригласил сто рыцарей сесть за свой стол, позади них стали их оруженосцы для услуг. По правую руку от себя он посадил блондинку и Ивона, с левой же стороны он оставил одно место свободным и, подозвав пажа, сказал ему:

— Дитя! Беги к иностранке, которая оказала нам сегодня утром услугу. Не ее вина, что успех превзошел ее доброе желание. Скажи ей, что барон Кервер благодарит за помощь и приглашает ее на свадьбу рыцаря Ивона.

Придя в золотой домик, где Финетта, вся в слезах, оплакивала своего Ивона, паж опустил колено на землю и от имени барона пригласил незнакомку следовать за ним в замок для оказания чести свадьбе рыцаря Ивона.

— Передай от меня поклон своему господину, — гордо отвечала молодая девушка, — и скажи ему: если он слишком высокороден для того, чтобы прийти ко мне, я слишком высокородна для того, чтобы идти к нему.

Когда паж передал барону ответ незнакомки, господин де Кервер ударил так сильно кулаком по столу, что три блюда подпрыгнули кверху.

— Клянусь небом! Вот речь, подобающая даме, я сразу признаю себя побитым. Скорее седлайте моего коня! Оруженосцы и пажи! Готовьтесь сопровождать меня!

Во главе этой блестящей свиты барон слез с коня у входа в золотой домик. Он извинился перед Финеттой, предложил ей руку, подал стремя и посадил ее на коня позади себя, точь-в-точь как если бы она была бретонской герцогиней. Во время пути он не разговаривал с нею из скромности, и, прибыв к замку, он снял свою шляпу и

повел ее к почетному месту, которое сам избрал для нее.

Отъезд господина де Кервера произвел большую сенсацию, его возвращение еще более привело всех в удивление, каждый задавал себе вопрос, кто эта дама, к которой относится с таким почтением гордый барон. Судя по ее костюму, это была иностранка. Не герцогиня ли она нормандская или королева французская? Позвали дворецкого, смотрителя и воеводу, чтобы выведать у них правду. Дворецкий дрожал, смотритель бледнел, воевода краснел, все трое оказались немые как рыба. Молчание этих влиятельных лиц увеличивало всеобщее удивление.

Очи всех были устремлены на Финетту, а между тем Финетта переносила в сердце своем смертельную муку: Ивон ее увидел, но не узнал. Он кинул на нее безучастный взгляд и вновь продолжал нежный разговор с блондинкой, которая презрительно улыбалась.

В отчаянии Финетта вынула из своего мешочка золотой шарик, свою последнюю надежду. Не прерывая разговора с бароном, очарованным ее умом, она поворачивала маленький шарик в руке, мысленно взывая к нему о помощи.

И вот шарик начал расти, начал расширяться и превратился в кубок из чеканного золота, прекраснее которого вряд ли доводилось видеть у себя на столе барону и даже королю.

Финетта сама наполнила кубок благоухающим вином и, подозвав воеводу, прятавшегося за ее спиной, проговорила дрожащим от беспокойства, но нежным голосом:

— Любезный воевода, предложите, пожалуйста, этот кубок рыцарю Ивону, я хочу выпить

за его здоровье, он не откажется принять мою здравицу.

Ивон принял из рук воеводы кубок, поднесенный на подносе из эмали и золота. Он кивнул головой незнакомке, отпил вино и, поставив кубок перед собою, отвернулся к блондинке, занимавшей все его мысли. Дама казалась обеспокоенной и раздраженной, рыцарь шепнул ей несколько слов, которые привели ее в восхищение, так как очи ее блеснули и рука ее опустилась на плечо Ивона.

Финетта поникла головой и зарыдала. Все было потеряно...

— Дети! — воскликнул звучным голосом барон. — Наполните свои кубки! Выпьем все в честь любезности и красоты благородной незнакомки, сделавшей нам честь своим присутствием. За здоровье владелицы золотого дома!

Все начали кричать и пить, Ивон удовольствовался лишь тем, что поднял свой кубок на уровень глаз. Вдруг он вздрогнул и замер с открытым ртом, с неподвижным взглядом, как человек, видящий привидение.

Действительно, это было привидение. На золотой поверхности кубка, как в зеркале, Ивон прочел всю свою прошлую жизнь. Великан преследовал его, Финетта спасала его, с нею вместе он садился на корабль, который спас их обоих, с нею вместе он высаживался на бретонском берегу. Он ее покидал, но на одно лишь мгновение, она плакала, прощаясь с ним. Где же она теперь? Рядом с ним, без сомнения. Кто же иной мог быть рядом с Ивоном, как не Финетта?!

Он наклонился к блондинке и вскрикнул, как человек, наступивший на змею. Затем, шатаясь,

как опьяненный, он встал и угрюмым взором оглянулся вокруг; когда же он увидел Финетту, он всплеснул своими дрожащими руками, бросился к ней и воскликнул голосом, прерываемым рыданиями: «Финетта! Финетта! Простишь ли ты меня?» — и опустился на колени. Прощать — это высшее счастье; еще не стемнело, как Финетта сидела рядом с Ивоном, и Бог ведает, чего они не рассказывали друг другу, прерывая свои слова то слезами, то громким смехом.

А блондинка, что стало с нею? Этого я не знаю. При крике Ивона она исчезла. Хроника уверяет, что какая-то ужасного вида старуха перелетела через стены замка, что собаки с лаем гнались за нею. Все Керверы сошлись в общем мнении, что блондинка была не что иное, как колдунья, крестная мать великана. Однако факт этот не настолько удостоверен, чтобы я осмелился за него поручиться. Что каждая женщина в своем роде колдунья, этому всегда уместно верить, не требуя никаких доказательств, только никогда не следует говорить об этом.

Одно лишь могу я заявить, ничуть не нарушая точности историка, это — что праздник, прерванный на одно мгновение, продолжался с еще большим блеском и нимало не потерял ни в продолжительности, ни в веселье.

На следующий день, рано поутру, все отправились в капеллу, где, следуя влечению своего сердца, Ивон обвенчался с Финеттой, которая не страшилась более злой судьбы. Затем стали есть, пить, плясать в течение целых тридцати шести часов, и никто не помышлял об отдыхе. У дворецкого устали немного руки, смотритель изредка потирал себе спину, воевода чувствовал некоторое

утомление в ногах, но у всех троих на совести была какая-то тяжесть, от которой они хотели во что бы то ни стало освободиться, поэтому они плясали и резвились, как молодые люди, до тех пор, покамест их не подобрали с земли и не вынесли вон. Финетта не думала об ином мщении, она никогда ни о чем другом не мечтала, как только о счастье своих приближенных и всех тех, дальних и близких, которые почитали благородный дом Керверов. Поэтому память о ней до сих пор жива в Бретани. В развалинах древнего замка любой встречный покажет вам статую доброй госпожи, держащей шесть маленьких шариков в руке.

ГЕРЦОГ ЧАРОВНИК

ГЕРЦОГ ЧАРОВНИК

I

Герцог Причудник и сын его Чаровник

В царстве Бешеных Трав, счастливом краю, стране, благословенной небом, где право всегда на стороне мужчин, где никогда не бывают неправыми женщины, жил много лет тому назад герцог, который ни о чем не заботился, кроме благополучия своих ближних, и никогда не ведал скуки. Пользовался ли он общеою любовью? В этом сомневаются. Достоверно лишь то, что приближенные питали к нему мало уважения и еще менее любви. Они-то и прозвали его герцогом Причудником, единственным именем, под которым он известен в истории, как видно из «Великой летописи королевств и княжеств мира, никогда не существовавших», научно образцового труда, обессмертившего ученость и остроумие преподающего патера дон Мельхиседека де-Ментирас-и-Неседад.

Овдовев после одного года супружества, Причудник перенес всю свою любовь на своего сына и наследника. Это был красивый ребенок: его

личико было свежо, как бенгальская роза, прекрасные русые волосы ниспадали по плечам золотистыми кудрями, прибавьте к этому голубые, ясные очи, прямой нос, маленький рот, продолговатый подбородок, и вы получите облик херувима. На восьмом году это юное чудо восхитительно плясало, ездило верхом, как опытный наездник, обращалось с оружием, как испытанный рыцарь. Кто не пленялся его улыбкою и величественными движениями, которыми он приветствовал толпу, когда был благорасположен? За это глас народный, который никогда не ошибается, окрестил его герцогом Чаровником, и это прозвище так за ним и осталось.

Чаровник был прекрасен, как день, но и у самого солнца, говорят, есть пятна, а герцоги не пренебрегают сходством с солнцем. Ребенок прельщал всех окружающих своим приветливым видом, но в нем были и темные стороны, которые не ускользали от пытливых глаз любви или зависти. Гибкий, ловкий, проворный во всех телесных упражнениях, Чаровник был ленив в учении; он вбил себе в голову, что и без учения знает все. Правда, гувернантки, льстецы и дворня без умолку повторяли ему, что труд не создан для герцогов и что герцог всегда считается достаточно сведущим, если щедрой, пренебрежительною рукою бросает поэтам, писателям, художникам частицу тех денег, которые преподносят ему его счастливые крестьяне.

Этот взгляд льстил гордости Чаровника, поэтому на двенадцатом году милое дитя с твердостью не по летам отказалось открыть букварь. Три наставника, избранных из числа самых искусных и терпеливых — аббат, философ и пол-

ковник, — пытались по очереди сломить непреклонность ученика; аббат потерял при этом свою философию, философ — свою тактику, а полковник — свою латынь. Оставив поле сражения за собою, Чаровник никого более не слушался, кроме своих прихотей, он жил без принуждения и обязанностей. Упрям, как мул, вспыльчив, как индюк, лаком, как кошка, и ленив, как уж, — он был славою прекрасной страны Бешеных Трав, предметом всеобщего упования и любви.

II

Мадемуазель Пазза

Хотя герцог Причудник и получил исключительное воспитание, он все-таки был человеком рассудительным, невежество Чаровника ему нимало не нравилось, и не раз он ставил себе с беспокойством вопрос, что станет с его владениями в руках сына, которого последний из льстецов легко может провести. Но как быть? Какое средство избрать против ребенка, завещанного ему обожаемой женой на смертном одре? Причудник уступил бы скорее корону сыну, чем видеть его в слезах, любовь обезоруживала его. Она не слепа, хотя поэты и говорят это, увы, многие были бы счастливы, если бы никогда не видели ее. Мучение любящего состоит в том, что он помимо своей воли становится рабом и соучастником того, кто чувствует себя любимым.

Ежедневно после заседаний совета герцог Причудник проводил конец дня у маркизы де Косторо. Это была дама преклонных лет, которая некогда

убаюкивала герцога на своих руках и одна могла напомнить ему сладкие дни его детства и юности. Она была, говорят, ужасно уродлива и занималась немного колдовством, но свет так злоязычен, что его злым сплетням всегда лучше верить наполовину. У маркизы были крупные черты лица и аристократические седые волосы, легко можно было себе представить, что она была красавицей в былые времена.

В один прекрасный день, когда Чаровник был безрассуднее обыкновенного, герцог вошел к маркизе с выражением заботы на лице. Как всегда, он сел к столу, на котором лежала приготовленная колода карт, и, взяв ее в руки, принялся раскладывать пасьянс. Это было его средством притуплять память и предавать забвению, хоть на несколько часов, деловые заботы и навеянную делами скуку. Едва успел он разложить шестнадцать карт правильным четырехугольником, как воскликнул, глубоко вздохнув:

— Маркиза, перед вами несчастнейший из всех отцов и герцогов! Несмотря на свою врожденную миловидность, Чаровник с каждым днем становится все своенравнее и непослушнее. Господи! Вправе ли я оставить после себя подобного наследника и вверить свои владения светлейшему глупцу!

— Такова уж судьба, — ответила маркиза, — она одаряет своими дарами всегда лишь с одной стороны. Лень — вечный спутник красоты, ум и безобразие никогда не расстаются; пример этому в моей собственной семье: несколько дней тому назад мне прислали мою двоюродную внучку, у которой, кроме меня, нет родных. Она мерзка, как жаба, худа, как паук, притом безобразна, как обе-

зьяна, и умна, как книга, и всей этой прелести нет еще десяти лет. Судите сами, герцог, вот мой маленький урод, он пришел с вами поздороваться.

Причудник обернулся и увидел ребенка, во всем соответствовавшего хвалебному гимну маркизы. Выпуклый лоб, темные, неприветливые глаза, растрепанные, приподнятые кверху волосы, матово-смуглый цвет кожи, большие белые зубы, загорелые пальцы на длинных руках — все это нимало не походило на нимфу лесов. Но из куколки образуется бабочка, дайте дитяти расправить свои крылышки, и вы увидите, какие прелестные красавицы выходят из этих противных десятилетних девчонок.

«Маленький урод» подошел к герцогу и сделал перед ним с такою серьезностью глубокий реверанс, что Причудник не мог удержаться от смеха, несмотря на то, что нимало не был расположен к веселости.

— Кто ты? — спросил герцог, дотрагиваясь до подбородка дитяти.

— Ваша светлость, — с важностью ответил ребенок, — я — донна Долорес-Розарио-Кораль-Конха-Валтасара-Мельхиора-Гаспара Тодос Сантос, дочь благородного рыцаря дона Паскаля-Бартоломео-Франческо де Асиз и...

— Довольно, — прервал герцог, — я не спрашиваю тебя о твоей родословной, мы здесь не на твоих крестинах, не на твоей свадьбе. Как зовут тебя запросто?

— Господин, — отвечала она, — меня зовут Паззой*.

— А почему тебя зовут Паззой?

* «Пазза» — значит «безумная». Как видно, в царстве Бешеных Трав говорили на весьма смешанном языке.

— Потому что это не мое имя, господин.

— Это странно,— сказал герцог.

— Нет, господин,— отвечало дитя,— это весьма просто. Моя тетка утверждает, что я слишком сорвиголова для того, чтобы хоть один святой признал бы меня своей крестной дочерью. Вот почему она назвала меня именем, которое никого не оскорбит в раю.

— Ответ хорош, дитя мое, я вижу, что ты не простая девочка. Не всякому дано оказывать подобное внимание обитателям рая. Если ты такая смышленная, не можешь ли ты сказать мне, что такое ученый?

— Да, господин. Ученый — это человек, который знает, что он намерен сказать, когда начинает говорить, и что он хочет сделать, когда берется за работу.

— О, если бы мои ученые были такими, какими ты их себе представляешь,— сказал герцог,— я сделал бы их своими советниками и поручил бы им управлять моими владениями. Что такое невежда?

— Господин,— отвечала Пазза,— бывает три вида невежд: тот, кто ничего не ведает, тот, кто говорит о том, чего он не ведает, и тот, кто ничего не хочет ведать; все три пригодны разве для костра или виселицы.

— То, что ты мне говоришь, похоже на пословицу. Знаешь, как называют пословицы?

— Да, господин, их называют мудростью народов.

— А почему их так называют?

— Потому, что они сумасшедшие,— отвечала Пазза,— они режут правду в глаза, они бывают на всякий цвет и вкус. Пословицы похожи на коло-

кола, они отвечают «да» или «нет», смотря по душевному состоянию того, кто вслушивается в их перезвон.

При этом Пазза, высоко подпрыгнув, поймала муху, жужжавшую около герцогского носа, затем, покинув изумленного Причудника, побежала к своей кукле, опустилась на пол и стала укачивать ее на своих коленях.

— Итак, герцог, — спросила маркиза, — какого вы мнения об этом дитяти?

— Она слишком умна, — отвечал герцог, — она долго не проживет.

— О, господин, — воскликнул ребенок, — ваши слова не льстят самолюбию моей тетюшки, которой давно уже минуло десять лет.

— Молчи, цыганенок, — проговорила старая дама, улыбаясь, — разве делают выговоры герцогам?

— Маркиза, — сказал Причудник, — в моем уме возникает мысль до того странная, что я едва дерзаю доверить ее вам, и тем не менее я чувствую страстное желание последовать ей. Я ровно ничего не могу сделать из моего сына, ум не имеет власти над этим упрямым. Как знать, быть может, сумасбродство достигнет большего успеха? Если допустить это, я сделал бы Паззу наставницей Чаровника. Этот сорванец, противящийся всем своим учителям, окажется, быть может, беззащитным перед дитятей. Единственное препятствие то, что никто не разделит моего взгляда, на меня ополчится весь свет.

— Пустяки! — сказала маркиза. — Свет так глуп, что быть разумным, значит, не мыслить так, как мыслит свет.

III

Первый урок

Вот каким образом Паззе было поручено образование юного герцога. Официального назначения не состоялось, в местных «Ведомостях» не сообщалось, что герцог в своей обычной мудрости внезапно нашел выходящего из ряда гения и вверил ему ум и сердце своего дитяти; но на следующий же день Чаровника послали к маркизе и разрешили ему играть с Паззой.

Оставшись наедине, дети молча глядели друг на друга. Пазза, более смелая, заговорила первой.

— Как тебя зовут? — спросила она своего нового приятеля.

— Те, которые со мной лично не знакомы, называют меня светлостью, — отвечал Чаровник обиженно, — те, которые знакомы со мной, называют меня запросто герцогом, а все вообще говорят мне «вы». Этого требует этикет.

— Что это такое — этикет? — спросила Пазза.

— Не знаю, — отвечал Чаровник. — Когда я прыгну, когда я вскрикну, когда я захочу покурить, мне заявляют, что это против этикета, тогда я затихаю и начинаю скучать, это и есть этикет.

— Так как мы здесь для того, чтобы весело проводить время, — предложила Пазза, — отбросим всякий этикет: говори мне «ты», как будто я твоя сестра, я буду говорить тебе «ты», как будто ты мой брат, и не буду называть тебя светлостью.

— Но ты не знакома со мною.

— Это ничего не значит,— отвечала Пазза,— я тебя полюблю, это будет лучше. Говорят, ты пляшешь превосходно, научи меня плясать. Хорошо?

Лед растаял, Чаровник обхватил девочку вокруг талии, и не прошло получаса, как он научил ее плясать польку.

— Как ты хорошо пляшешь! — сказал он ей. — Ты сразу поняла все па.

— Это оттого, что ты хороший учитель,— отвечала она,— теперь очередь за мною научить тебя чему-нибудь.

Она взяла прекрасную книгу с картинками и начала показывать ему изображения памятников, рыб, великих мужей, попугаев, ученых, редких зверей, цветов, разных предметов, которые занимали Чаровника.

— Смотри,— сказала Пазза,— вот объяснение всем этим рисункам, давай читать.

— Я не умею читать,— отвечал Чаровник.

— Я научу тебя, я буду твоей маленькой учительницей.

— Нет,— отвечал светлейший упрямец,— я не хочу читать. Мои учителя мне надоедают.

— Прекрасно, но я не учитель. Смотри, вот «а», прелестное «а»; скажи: «а».

— Нет,— возразил Чаровник, хмуря брови,— я ни за что не скажу «а».

— Для моего удовольствия.

— Нет, никогда! Однако перестань, я не люблю, когда мне противоречат.

— Сударь,— сказала Пазза,— вежливый человек ни в чем не отказывает дамам.

— Я отказываю всем и каждому! — воскликнул с напыщенностью юноша. — Оставь меня в по-

кое, я тебя более не люблю, отныне называй меня светлостью.

— Светлейший Чаровник или очаровательная светлость, — отвечала Пазза, побагровев от гнева, — вы будете читать или объясните мне причину своего отказа.

— Я не буду читать!

— Нет! раз! два! три!

— Нет! нет! нет!

Пазза подняла руку — пиф! паф! — оплеуха поразила юного герцога. Паззе говорили, что ум у нее заключается в кончиках пальцев, она напрасно поняла буквально эти слова, никогда не следует шутить с детьми.

Получив это первое предостережение, Чаровник побледнел и затрясся, кровь поднялась в голову, крупные слезы показались на глазах, он бросил на свою молодую наставницу взгляд, заставивший ее задрожать. Затем в одно мгновение благодаря сверхъестественному усилию он овладел собою и слегка взволнованным голосом проговорил:

— Пазза, вот «а»...

И в тот же день, в один урок, он выучил все тридцать шесть букв. К концу недели он бегло читал по складам. Не прошло месяца, как он выучился читать.

Кто был счастлив? Конечно, герцог Причудник. Он расцеловал Паззу в обе щеки, он потребовал, чтобы она неотлучно находилась около его сына и около него самого, он сделал этого ребенка своим другом и советником, к великой зависти своих приближенных. Чаровник, неизменно пасмурный и молчаливый, воспринимал все, чему учила его юная наставница, и вскоре вернулся к своим старым учителям, которых привел в изум-

ление своею сообразительностью и кротостью. Он так отлично повторял свою грамматику, что аббат поставил себе однажды вопрос, нет ли в его объяснениях, которых он сам не понимал, случайного смысла? Не менее удивлял Чаровник философа, который по вечерам объяснял ему совершенно противоположное тому, чему учил его аббат по утрам. Но из всех своих учителей с наименьшим отвращением он слушал полковника. Правда, Байонет — так звали полковника — был искусным стратегом и передал своему ученику тайну застегивать гамаша и отворачивать подкладку мундира; он же вселил в Чаровника понятие, что самое достойное для него занятие заключается в строевом учении и что основа военного искусства состоит в том, чтобы производить смотры для того, чтобы вести войны, и вести войны, чтобы производить смотры.

Быть может, эти взгляды и не согласовались со взглядами герцога Причудника, но, не говоря уже о том, что он обеспечил себе потомство, он был вообще так счастлив успехами Чаровника, что ничем не хотел омрачать изумительный продукт воспитания, долгое время остававшийся безнадежным.

— Сын мой, — говаривал он, — не забудь, что ты всем обязан Паззе.

В то время, когда герцог говорил это, Пазза, краснея от удовольствия, нежно глядела на молодого человека. Несмотря на весь свой ум, она была настолько безумна, что любила его. Чаровник ограничивался холодным ответом, что признательность есть добродетель людей его происхождения и что настанет день, когда Пазза поймет, что ученик ее ничего не забыл.

IV

Свадьба Паззы

Как только Чаровнику минул семнадцатый год, он в одно прекрасное утро вошел к герцогу Причуднику, здоровье которого становилось все слабее и который страстно желал женить своего сына до своей кончины.

— Отец, — сказал он, — я долго размышлял по поводу твоих мудрых слов: ты даровал мне жизнь, Пазза сделала для меня более, вызвав к жизни мой разум и мою душу, я не вижу иного способа уплатить долг сердца, как жениться на девушке, которой я обязан тем, чем я стал. Я пришел к тебе просить руки Паззы.

— Дорогое мое дитя, — отвечал Причудник, — это решение делает тебе честь. В жилах Паззы не течет герцогская кровь, не ее я выбрал бы тебе при других обстоятельствах в супруги. Но как только я подумаю о ее добродетелях, о ее достоинстве и, главное, о той услуге, которую она нам оказала, я забываю пустые предрассудки. У Паззы душа герцогини, так пусть же она будет твоею супругой. В стране Бешеных Трав настолько любят ум и доброту, что простят тебе то, что глупцы называют неравным браком, а что я считаю самым настоящим. Счастлив тот, кто в состоянии избрать себе супругу развитую, способную его понять и полюбить! Поэтому завтра же мы отпразднуем вашу помолвку, через два года вас обвенчают.

День свадьбы наступил скорее, чем предвидел Причудник. Спустя пятнадцать месяцев после

этих памятных слов Причудник скончался от слабости и истощения. Он слишком строго относился к обязанностям своего высокого звания, они привели его к смерти. Старая маркиза и Пазза оплакивали своего друга и благодетеля, но плакать пришлось им одним. Не будучи дурным сыном, Чаровник рассеивался заботами по управлению, приближенные ожидали великих милостей от нового властелина и не помышляли о старом герцоге, руку которого сомкнула смерть.

Почтив память своего родителя великолепными похоронами, юный герцог, позабыв отныне все, отпраздновал свою свадьбу с блеском, очаровавшим добрых жителей Бешеных Трав, что стекались со всех сторон, за сто верст в окружности, чтобы лицезреть нового властелина; не менее восхищались Паззой, расцветающая красота и очевидная доброта которой увлекали все сердца. Давали бесконечные обеды, говорили речи длиннее обедов, декламировали стихи скучнее речей. Одним словом, это было торжество, ни с чем не сравнимое, о нем говорили еще шесть месяцев спустя.

Когда наступил вечер, Чаровник предложил руку своей прелестной супруге, волновавшейся и красневшей, как юная Геба. С холодной учтивостью он провел ее по долгим коридорам до дворцовой башни. Войдя в нее, Пазза ужаснулась, очутившись в темном помещении с окнами, огражденными решетками с огромными замками и засовами.

— Что это такое? — спросила она. — Это похоже на темницу.

— Да, — отвечал Чаровник, взглянув на герцогиню страшными глазами. — Это темница, из ко-

торой ты выйдешь лишь для того, чтобы сойти в могилу!

— Друг мой, ты меня страшишь,— возразила, улыбаясь, Пазза.— Разве я виновата в чем-нибудь помимо моего ведома, чем я вызвала твое неудовольствие, что ты мне угрожаешь темницей?

— У тебя короткая память,— отвечал Чаровник.— Оскорбитель пишет на песке, оскорбленный — на мраморе и бронзе.

— Чаровник,— возразило бедное дитя, которым овладел страх,— ты повторяешь мне фразу из тех речей, которые мне так надоели. Разве ты не находишь ничего лучшего сказать мне сегодня?

— Несчастная! — воскликнул герцог.— Тебе не памятна та оплеуха, которую ты некогда дала мне, но я ничего не забыл. Пойми, если я жаждал жениться на тебе, то только для того, чтобы владеть твоею жизнью и заставить тебя медленною мукою искупить твое преступление против моего сана!

— Друг мой,— отвечала молодая женщина с милым упрямством,— ты похож на Синюю Бороду, но ты меня не испугаешь, предупреждаю тебя. Я знаю тебя, Чаровник, и предостерегаю тебя, если ты не бросишь этой глупой шутки, то я дам тебе не одну, а целые три оплеухи, прежде чем вступлю в твои покои. Поторопись выпустить меня, или я дам клятву сдержать свое обещание.

— Клянитесь же, сударыня! — вскричал герцог, бесясь при мысли, что не может утратить свою жертву.— Я принимаю ваше обещание! Я клянусь со своей стороны также, что вы не войдете полновластной госпожой в мои покои, прежде чем я не окажусь настолько подлым, чтобы снести троекратное оскорбление, не смывае-

мое иначе, как кровью. Поживем — увидим! Сюда, Рашембур!

По произнесении этого ужасного имени в комнату вбежал бородатый тюремщик с угрожающим выражением лица. Движением руки он толкнул герцогиню на пол и захлопнул дверь, так сильно звеня ключами и засовами, что мог бы нагнать страху на самого невинного.

Если Пазза и обливалась слезами, то, во всяком случае, так тихо, что никто не слышал ее. Устав тщетно прислушиваться, Чаровник удалился с бешенством в душе и клятвой — суровостью сломить это надменное сердце, не склонявшееся перед ним. Месть, говорил он, отрада людей его круга.

Спустя два часа маркиза получила из доверенных рук записочку, которая уведомляла ее о печальной судьбе ее племянницы. Каким путем попала к ней эта записка? Я это знаю, но никого не хочу выдавать. Если нашелся случайно милосердный тюремщик, то пощадить его — доброе дело, ведь подобные семена редко в них встречаются и исчезают с каждым днем.

V

Ужасное событие

На другой день «Ведомости» известили, что вечером в день свадьбы с герцогиней случился сильный припадок бешенства и что на спасение ее мало надежды. Не нашлось ни одного человека, который не заметил бы, что накануне герцогиня действительно была весьма взволнована, и

болезнь ее не могла никого удивить. Все жалели герцога, выслушивавшего с хмурым и принужденным видом выражения соболезнования, расточаемые перед ним. Горе, без сомнения, сильно удручало его, но это горе заметно облегчилось после посещения маркизы де Косторо.

Добрая дама была весьма опечалена и выражала страстное желание видеть свое бедное дитя, но она была так стара и чувствовала себя столь слабой и нервной, что умоляла герцога избавить ее от этого раздирающего душу зрелища. Она кинулась в объятия Чаровника, который, со своей стороны, нежно поцеловал ее, она удалилась, говоря, что все свое упование и всю надежду она полагает в любовь герцога и в искусство его главного врача.

Едва успела она удалиться, как врач, склонившись к уху Чаровника, сказал ему два слова, вызвавших на лице герцога тотчас же подавленную улыбку. Раз маркиза была устранена, бояться было более нечего, месть была обеспечена.

Доктор Видувильст был великим врачом. Родившись в стране Снов, он рано покинул свою отчизну, чтобы попытать счастья в стране Бешеных Трав. Он был слишком ловок, чтобы счастье могло ускользнуть от него. В течение пяти лет, проведенных им в знаменитом Люгенмаульбергском университете, медицинская теория изменялась двадцать пять раз. Благодаря такому солидному образованию доктор приобрел твердость взглядов, которую ничто не могло поколебать. Он утверждал, что у него искренность и грубость воина, подчас он даже ругался, с дамами в особенности. Эта грубость позволяла ему разделять мнение более сильного и заставлять себе платить,

чтобы не иметь своего мнения. Вот в эти-то неподкупные руки попала бедная герцогиня.

Прошло три дня, как она была заточена, и город начинал уже говорить о других вещах, как однажды утром Рашембур, весь растрепанный, неожиданно вошел в палату герцога и, трепеща как лист, пал к его ногам.

— Ваша светлость, — сказал он, — я принес вам свою голову. Герцогиня исчезла в эту ночь.

— Что ты мне говоришь! — воскликнул, бледнея, герцог. — Это вещь невозможная, темница окружена со всех сторон решетками.

— Так точно, — отвечал тюремщик, — это вещь невозможная, это бесспорно. Решетки на своих местах, стены также, замки и засовы не тронуты, но бывают на свете колдуньи, которые проходят сквозь стены, не сдвигая ни единого камня. Кто знает, не принадлежала ли пленница к подобному роду существ? Ведь для всех осталось тайной, откуда она явилась.

Герцог послал за врачом; тот был человек недюжинного ума и вовсе не верил в колдуний. Он ощупал стены, потряс решетки, допросил тюремщика — все было тщетно. Послали надежных людей по всему городу, приказали следить за маркизой, которую заподозрил врач; спустя неделю пришлось отказаться от всех поисков. Рашембур потерял свое место тюремщика, но так как он обладал тайной Чаровника, в нем чувствовали необходимость и он пылал жаждой мести, его сделали дворцовым привратником. Взбешенный своим несчастным приключением, он занялся надзором с таким рвением, что менее чем в три дня он раз шесть задержал самого Видувильста и обезоружил любое подозрение.

В конце недели рыбаки доставили ко двору платье и плащ герцогини; прилив выбросил на берег эти печальные останки, загрязненные песком и морскою пеной. Бедная больная Пазза утопилась, никто в этом не сомневался при виде скорби герцога и слез маркизы. Был созван совет, который единогласно постановил, что сообразно законам герцогиня умерла, что сообразно законам герцог овдовел и что в интересах многочисленных фермеров и поселян следует умолить его светлость сократить время горестного траура и как можно скорее вступить в новый брак, дабы обеспечить себе потомство. Эта просьба приближенных была передана герцогу главным врачом и старшим управляющим всех герцогских владений Видувильстом; он произнес такую трогательную речь, что весь замок рыдал и Чаровник кинулся в объятия врача, называя его своим жестоким другом.

Нечего говорить, какие торжественные похороны были устроены для герцогини, оплакиваемой всеми. В царстве Бешеных Трав все служит поводом к торжественным церемониям. Это было удивительное торжество, но самым удивительным было поведение молодых девиц. Каждая глядела на Чаровника, которому траурное одеяние придавало еще более красоты, каждая плакала одним глазком, чтобы почтить покойную, и улыбалась другим, чтобы пленить герцога. О, если бы тогда уже было изобретено искусство фотографии, какие портреты, какие модели для наших живописцев передали бы нам те времена! У тех добрых людей существовали страсти; любовь, ненависть, гнев одушевляли те живые лица; в настоящее время мы так добродетельны и умны, что у нас

всех равная одежда, равная шляпа, равная физиономия. Цивилизация — победа нравственности и утрата для искусства.

После описания похорон, которое, по обыкновению, занимало шесть столбцов «Ведомостей», определили срок большого и малого траура. Но так как малый траур приходился на масленицу, то было решено с целью покровительствования торговле устроить в замке костюмированный бал. Тотчас же портные и швеи приступили к работе, всяк домогался приглашения, и поднялись сплетни и интриги.

Так торжественно оплакивали бедную Паззу!

VI

Костюмированный бал

Наконец настал великий день, так нетерпеливо ожидаемый. В течение шести недель добрые жители Бешеных Трав тряслись, как в лихорадке. Не рассуждали более ни о министрах, ни о сенаторах, ни о генералах, ни о судьях, ни о принцессах, ни о герцогинях, ни об обыкновенных девушках; на расстоянии верст двадцати в окружности были одни лишь пьеро, арлекины, полишинели, цыганки, коломбины и «безумные».

Если судить по официальному описанию, то этот праздник своею роскошью превзошел все празднества минувших и будущих времен. Бал устроили среди зелени садов, в роскошно убранной зале. Проходя по настоящему лабиринту длинных аллей, слабо озаренных алебастровыми лампами, гости внезапно вступали в сияющую

позолотой, гирляндами и огнями залу. Оркестр, полускрытый в чаще кустов, услаждал слух то торжественными, то игривыми мелодиями. Прибавьте к этому богатство туалетов, блеск бриллиантов, остроумие масок, заманчивость интриги — разве хладная душа старого стойка могла противостоять опьянению весельем.

Однако, несмотря на все это, герцог Чаровник не веселился.

Скрываясь под голубым домино, с полностью замаскированным лицом, он подходил к самым изящным и веселым из танцевавших дам, он рсточал свое остроумие и светские качества и всюду находил одно лишь равнодушие и холодность. Его едва слушали, отвечали ему чуть ли не зевая, торопились отойти от него. Все взоры, все шаги были обращены к одному черному домино с розовыми бантами, беспечно прогуливавшемуся по бальной зале и с важностью паши принимавшему всеобщие комплименты и улыбки. Домино это был не кто иной, как синьор Видувильст, лучший друг герцога, но еще лучший друг собственного удовольствия. В минуту рассеянности врач невзначай поведал двум дамам под условием глубокой тайны, им одним, что герцог прикрепит к черному домино розовые банты. Не его вина, что дамы не умеют молчать или же что герцог изменил свой костюм.

В то время как врач помимо желания наслаждался своим непредвиденным торжеством, Чаровник сел в угол залы и закрыл лицо руками. Покинутый среди шумной толпы, он задумался, и облик Паззы предстал перед ним. Он ни в чем не мог упрекнуть себя, возмездие его было справедливо, а все-таки, не зная почему, он чувствовал угрызе-

ния совести! Бедняжка Пазза! Конечно, она была кругом виновата, но, по крайней мере, она любила его, она понимала его, она слушала его с блестящими от радости очами. Какая разница в сравнении со всеми этими пустыми женщинами, которые при первом слове не сумели узнать герцога в домино по его остроумию!

Он вскочил и хотел покинуть бал, как вдруг недалеко от себя приметил замаскированную даму, которая также удалилась от веселой толпы и казалась погруженной в думы. Распахнувшееся домино открыло костюм цыганки и башмачки с пряжками, надетые на ножку меньше, чем у Золушки.

Герцог приблизился к незнакомке и увидел в бархате маски два больших темных глаза, задумчивый взгляд которых изумил его и привел в восхищение.

— Прекрасная маска, — проговорил он, — твое место вовсе не здесь. Оно в той оживленной и любопытной толпе, ищущей герцога, дабы оспорить друг у друга улыбку его и сердце. Там можно выиграть герцогскую корону, разве тебе это неизвестно?

— Я ни к чему не стремлюсь, — отвечала маска звучным и нежным голосом. — Играть в эту азартную игру — значит, подвергаться возможности принять слугу за герцога. У меня слишком гордое сердце для подобной случайности.

— А если бы я показал тебе герцога?

— О чем мне с ним говорить? — возразила незнакомка. — Я лишусь тогда права осуждать его, не оскорбляя, и хвалить, не лстя.

— Разве тебе известно в нем много дурных сторон?

— Немного дурных и много хороших, но что нужны в этом?

Проговорив это, домино развернуло свой веер и вновь погрузилось в думы.

Это равнодушие поразило Чаровника: он говорил с воодушевлением — ему холодно отвечали, он убеждал, молил, волновался и достиг наконец того, что его стали покорно слушать, но уж более не в бальной зале, где жара была тягостна и любопытство слишком нескромно, но в тени тех длинных аллей, где немногочисленные гуляющие искали тишины и прохлады.

Ночь приближалась, уже не раз цыганка заводила речь о возвращении домой, к великому огорчению герцога, тщетно упрашивавшего ее сбросить маску. Незнакомка безмолвствовала.

— Вы приводите меня в отчаяние, сударыня! — воскликнул герцог, охваченный неведомым чувством уважения и симпатии к таинственной знакомке. — Зачем это жестокое молчание?

— Затем, что я узнала вашу светлость, — отвечала знакомка взволнованным голосом. — Этот голос, звучащий такой искренностью, манера выражаться и держать себя слишком ясно говорят, кто вы такой. Позвольте мне уехать, герцог Чаровник.

— Нет, сударыня! — воскликнул герцог, плененный ее умом. — Вы одна узнали меня, вы одна меня поняли, вам принадлежат мое сердце и моя корона. Сбросьте эту ревнивую маску, тотчас мы вернемся в бальную залу, и я представлю этой невежественной толпе девушку, которой я имел счастье понравиться. Скажите слово, и все мои люди — у ваших ног.

— Ваша светлость, — отвечала знакомка с

печалью в голосе,— позвольте мне отклонить предложение, которое делает мне честь и память о котором я сберегу навеки. Сознаюсь, я честолюбива; было время, когда я гордилась бы разделить с вами вместе мою судьбу и носить ваше имя, но прежде всего я — женщина и счастье свое вижу в одной лишь любви. Я не хочу обладать сердцем, наделенным хотя бы одним только воспоминанием, я ревную даже к минувшему.

— Я никогда никого не любил! — воскликнул герцог с таким искренним жаром, что привел незнакомку в трепет.— В обстоятельствах моей женитьбы скрывается тайна, которую открыть я не могу никому, кроме моей супруги, но я могу дать вам клятву, что я никогда не отдавал своего сердца, я люблю впервые.

— Покажите мне свою руку,— сказала цыганка,— и приблизьтесь к этой лампе, я взгляну, правду ли вы мне говорите.

Чаровник с уверенностью протянул руку, цыганка проследила все линии ее и вздохнула.

— Вы правы, герцог, вы никогда не любили. Но этого мало для успокоения моей ревности. До меня вас любила другая. Смерть не разрывает священных уз, герцогиня Пазза любит вас до сих пор, вы ей принадлежите! Принять сердце, которым вы не можете более располагать, было бы с моей стороны кощунством, преступлением. Простите.

— Сударыня,— проговорил герцог твердым голосом,— вы не сознаете, как сильно заставляете меня страдать. Есть вещи, которые я желал бы погрузить в вечное безмолвие, а вы принуждаете меня говорить о них. Герцогиня никогда меня не любила, одно лишь честолубие руководило ею.

— Это неправда, — сказала незнакомка, вынув руку из руки герцога. — Герцогиня вас любила.

— Нет, сударыня, — возразил Чаровник, — во всем этом таилась гнусная интрига, жертвами которой оказались мой отец и я.

— Довольно! — ответила незнакомка, руки ее тряслись и пальцы как-то странно, судорожно сжимались. — Питайте уважение к мертвым, не клеветайте на них.

— Сударыня! — воскликнул герцог. — Я уверяю вас, и никто еще не сомневался в моем слове: герцогиня никогда меня не любила, она была злым созданием.

— Ах! — вскрикнуло домино.

— Своенравным, свирепым, ревнивым!

— Если она была ревнивою, то она любила вас, — прервала маска. — Подыщите довод, по крайней мере, с виду правдоподобный, не обвиняйте сердца, всецело принадлежащего вам.

— Она так мало меня любила, — сказал герцог, — что даже вечером в день своей свадьбы осмелилась сказать мне в лицо, что вышла за меня замуж лишь из-за моего сана.

— Этого не может быть, — сказала цыганка, поднимая руку, — этого не может быть.

— Сударыня, — возразил Чаровник, — клянусь, что это правда.

— Ты солгал! — вскричала незнакомка.

Пиф! Паф! — внезапная оплеуха ослепила Чаровника, и миг незнакомки не стало.

В бешенстве герцог отшатнулся в сторону и схватился было за эфес своей шпаги, но на бал не ходят, как в поход. Вместо оружия герцог нашел бант из лент. Он бросился вслед за своим врагом, но куда он скрылся?

В этом лабиринте аллея Чаровник терял дорогу раз двадцать, он не встречал никого, кроме мирных масок, прогуливавшихся парами и не обращавших на него никакого внимания. Задышавшись, без памяти, придя в отчаяние, он вернулся в балльную залу. Вероятно, в ней незнакомка нашла убежище, но как ее узнать?

Блестящая мысль мелькнула в уме герцога: если б он мог снять все маски, он несомненно нашел бы цыганку, которую смутит присутствие герцога, выдаст ее собственное волнение. Тотчас же Чаровник вскочил на кресло и голосом, приведшим в трепет всех гостей, крикнул:

— Милостивые государи и государыни! Приближается утро, веселье гаснет, оживим праздник новой причудой: долой инкогнито! Я подаю пример; кто любит меня, последует моему примеру!

Он сбросил свое домино, откинул маску и очутился в таком изящном и богатом испанском наряде, какой едва ли надевал любой принц.

Раздался общий возглас, все взоры устремились сперва на герцога, затем тотчас же на темное домино с розовыми лентами, удалявшееся как можно скорее с скромностью, не носившей никаких следов притворства. Гости сняли маски, дамы окружили герцога, и все заметили, что он живо интересуется костюмами цыганок. Молодые и старые, все цыганки были осчастливлены его вниманием, он брал их за руки, дарил их взглядами, которые заставляли другие маски мучиться от зависти, затем внезапно махнул рукой оркестру, танцы снова начались, герцог исчез.

Он бросился в аллею, как бы надеясь найти там вероломную, так предательски оскорбившую его. Что влекло его? Чувство мести, конечно. Кровь

клокотала в его жилах, он шел наугад, останавливаясь по временам. Он зорко смотрел по сторонам, вслушивался, подстерегал. Он кидался как безумный на каждую светлую точку, мелькнувшую сквозь листву, смеясь и рыдая в одно и то же время, потеряв голову.

На повороте одной аллеи он натолкнулся на Рашембура, приближавшегося к нему с испуганным лицом и дрожащими руками.

— Ваша светлость, — шепнул он таинственным голосом, — вы изволили видеть его?

— Кого? — спросил герцог.

— Привидение, мой повелитель; оно прошло мимо меня, со мною все кончено, завтра меня не станет.

— Какое привидение? — произнес Чаровник. — О чем болтает этот дурак?

— Призрак, домино с пламенными очами, оно велело мне опуститься на колени и дало мне две оплеухи.

— Это она, — воскликнул герцог, — это она! Как смел ты выпустить ее?

— Ваша светлость, у меня не было моей алебарды, но как только мне доведется встретиться с ним, живым или мертвым, я убью его.

— Смотри же в оба! — сказал герцог. — Как только она вернется, не пугайся, бросайся за ней, узнай ее убежище. Но где же она? Куда она скрылась? Показывай мне дорогу, если я найду ее, твое счастье обеспечено.

— Ваша светлость, — сказал честный привратник, глядя на луну, — если призрак находится где-нибудь, так это там, наверху. Я видел его, как вижу вас, он перешел в туман. Но перед своим исчезновением он передал мне два слова для

вашей светлости.

— Говори скорее.

— Слова эти ужасны, мой повелитель, я никогда не осмелюсь повторить их перед вашей светлостью.

— Говори же наконец, это мое желание, мой приказ.

— Ваша светлость, привидение произнесло замогильным голосом: «Передай герцогу, если он женится на другой, он погибнет. Нежно любимая вернется».

— Вот,— сказал герцог, глаза которого сверкнули странным огнем,— возьми себе мой кошелек. С сегодняшнего дня я приближаю тебя к своей персоне — я назначаю тебя главным камердинером. Я полагаюсь на твою преданность и молчаливость. Пусть эта тайна навсегда останется между нами.

— Это уже вторая,— пробормотал Рашембур и удалился твердою поступью, с видом человека, не дающего ни сломить себя страху, ни ослепить богатству. Это был сильный характер!

На другой день «Ведомости» поместили в своей неофициальной части следующие строки:

«Распространился слух, что герцог Чаровник предполагает в недалеком будущем вступить в брак. Герцогу хорошо известны обязанности относительно потомства, и он всецело посвятит себя благу своих вассалов. Герцог ни о чем не помышляет, как только о своей любви, только от времени он надеется получить утешение, в котором ему теперь отказано».

Заметка эта привела в движение приближенных герцога и весь город. Молодые девицы находили, что у Чаровника слишком щепетильная

совесть, не одна мамаша пожимала плечами и говорила, что у герцога мешчанские предрассудки, вечером же во всех добрых семьях шел дым коромыслом. Не было супруги мало-мальски хорошего рода, которая не искала бы ссоры со своим недостойным супругом и не доводила его до сознания, что в целой стране есть единственное способное любить сердце и единственный верный супруг: герцог Чаровник.

VII

Две консультации

После всех треволнений герцога охватила мучительная скорбь. Чтобы рассеять себя, он устраивал всевозможные увеселения. Он охотился, совещался со своими управляющими, посещал оперу и комедию, принимал гостей с супругами, читал карфагенский роман — ничто не помогало; неизгладимое воспоминание, образ, всегда витавший перед ним, не давал ему ни отдыха, ни покоя. Цыганка преследовала его даже в сновидениях; он видел ее, говорил с ней, она слушала его; но не знаю, по прихоти какого злого рока, как только спадала маска, перед ним появлялось бледное и печальное лицо Паззы.

Доктор был единственным доверенным лицом, которому Чаровник мог признаться в угрызениях совести, но при одном слове об угрызениях совести Видувильст громко рассмеялся.

— Пустая привычка! — сказал он. — Полагайтесь на время, герцог, накапливайте впечатления, все пройдет.

Для доставления развлечения герцогу, для изгнания печали доктор Видувильст каждый вечер ужинал наедине с его светлостью и щедро подливал ему средства упоения и забытья. Видувильст не щадил себя, но вино не имело власти над этим мощным рассудком. Доктор смело мог бы вызвать Вакха и Силена на бой. В то время как Чаровник, то веселый, то задумчивый, кидался в крайности утех и отчаяния в вечном волнении, не ведая счастья, Видувильст, спокойный и улыбающийся, руководил мыслями и действиями герцога.

Доктор был честолюбив, он родился, чтобы быть визирем. Каждое утро какое-нибудь новое распоряжение говорило беднякам, что их господин — ничто, управляющий его — все; один Чаровник не замечал своего собственного бессилия. Запертый в своих палатах, снедаемый скукой, он не имел иного собеседника, кроме пажа, определенного к его особе по рекомендации Рашембура главным управляющим. Видувильст был слишком хорошим человековедом, чтобы в чем-нибудь отказать старшему камердинеру. Проказник, балагур, недурной музыкант, игрок в карты, Тонто (так звали юношу) забавлял герцога своей миловидностью, не менее нравился он и управляющему, но благодаря другим своим качествам. Преданный своему благодетелю, миловидный паж доносил ему с самым невинным видом все слова герцога, это было не особенно трудным делом — герцог постоянно грезил и ничего не говорил.

Что может быть прекрасней власти, но чем дальше в лес, тем больше дров. Честолюбивый доктор жаждал почета и блеска герцогского сана:

ничего не было легче, как запугать больного герцога и услать его в далекие края искать исцеления, которое заставит себя долго ждать. Во время его отсутствия можно было бы управлять по полномочию.

Чаровник был молод, он еще верил в жизнь, да и, помимо того, как он мог противоречить нежным заботам доброго доктора? Однажды вечером во дворце собрались три умнейшие головы факультета — высокий Тристан, толстый Жокондюз и маленький Гильерэ, три знаменитых мужа, три гения, составивших свое счастье каждый благодаря своей идее.

После того как герцога допросили, осмотрели, ощупали, выслушали, повернули во все стороны, Тристан потребовал слова и сказал грубым голосом:

— Ваша светлость, о вас нужно заботиться, вам нужно жить сложа руки. Болезнь ваша — малокровие, расслабление органов. Единственно лишь поездка в Светлые Воды может принести вам исцеление. Уезжайте скорее, иначе вы пропали, это мое мнение.

— Ваша светлость, — промолвил толстый Жокондюз, — я всецело разделяю замечательный взгляд моего почтенного коллеги. Вы страдаете оттого, что слишком хорошо себя чувствуете. Ваш недуг — полнокровие. Отправляйтесь пить светлую воду, вы поправитесь. Уезжайте скорее, иначе вы пропали, это мое мнение.

— Ваша светлость, — сказал маленький Гильерэ, — я не могу не удивиться замечательной способности моих старших товарищей распознавать характер болезни. Я преклоняюсь перед их авторитетом. Так же, как и они, я полагаю, что вы

страдаете необузданностью симпатий, происходящей от слишком податливого характера. Пейте светлую воду, уезжайте скорее, иначе вы пропали, это мое мнение.

Затем был составлен единогласно бюллетень, который Тонто должен был отнести тотчас же в типографию «Ведомостей», после этого три врача встали, отвесили поклон управляющему, откланялись герцогу, пожали руки и начали спускаться по дворцовой лестнице, споря или смеясь, точно не знаю. Рукопись хроники не ясна, на этом месте как раз находится чернильное пятно.

По уходе трех врачей Видувильст пробежал глазами бюллетень, долго размышлял и взглянул на герцога. У Чаровника, поужинавшего в этот вечер лучше обыкновенного, было угрюмое выражение глаз; он даже не слышал, о чем толковали врачи.

— Ваша светлость, — сказал Видувильст, — единодушное мнение этих господ состоит в том, что вам необходимо отправиться в Светлые Воды и отказаться от дел по управлению своими владениями. По моему мнению, однако, подобное решение нимало не достойно вас. Хороший герцог должен посвятить себя благу своих...

— Довольно, — прервал герцог, — уволь меня от этой старой морали, приходи к заключению. Ты хочешь, чтобы я уехал, мой добрый друг, ты ждешь не дожدهшься этого из участия ко мне, я это знаю. Составь доверенность, вверяющую тебе управление, а я ее подпишу.

— Ваша светлость, доверенность здесь, в портфеле, хороший управляющий предугадывает возможные случайности. Не знаешь наперед, что может случиться.

Чаровник взял перо и машинально подписал бумагу, не прочитав ее, он передал ее управляющему, приблизившемуся с улыбкой на лице, но вдруг, повинуясь минутному капризу, он взял ее обратно и прочел.

— Что? — сказал он. — Без пояснения мотивов? Ни слова о том, что могло бы уверить моих приближенных в благорасположении, которое я к тебе питаю! Доктор, ты слишком скромн, завтра эта бумага будет напечатана в газете с дополнением, написанным рукою твоего господина. Прощай, эти господа меня утомили.

Доктор вышел легкой поступью, с высоко поднятой головой, с блестящими глазами, он был еще более надменен и заносчив, чем обыкновенно. Чаровник снова погрузился в свои думы и размышлял, что все-таки он не самый несчастный из герцогов, так как небо наделило его другом.

Вдруг без всякого доклада в комнату короля вошел диковинный маленький врач, такой, какого едва ли когда-либо встречали во дворцах. На нем был седой парик в локонах, ниспадавших до самых его плеч, белоснежная борода доходила до половины груди, а глаза были так подвижны и блестели таким юношеским огнем, что можно было сказать, что они явились на свет лет на шестьдесят позднее тела.

— Где эти причудники? — воскликнул он резким голосом, стуча об пол тростью. — Где они, эти невежды, эти педанты, эти невежи, что не дождались меня? А, — обратился он к изумленному герцогу, — вы пациент, это весьма хорошо; высуньте язык, только скорее, мне некогда.

— Кто вы такой? — спросил герцог.

— Доктор Истина, величайший врач в мире,

вы скоро в этом убедитесь, несмотря на мою скромность. Спросите Видувильста, моего ученика, вызвавшего меня из страны Снов; я излечиваю все, даже несуществующие недуги. Покажите мне свой язык. Хорошо. Где бюллетень? Очень хорошо. «Малокровие»! «Полнокровие»... «Нервные припадки»... «Пить светлую воду»... Знаете, как зовут вашу болезнь? Скорбью и даже хуже этого.

— Вы это видите? — спросил в испуге Чаровник.

— Да, сын мой, это на вашем языке. Но я вас вылечу, все будет готово завтра в полдень.

— Завтра? — переспросил герцог. — Но все мои богатства...

— Тише, мой сын. Чей это портфель? Управляющего? Хорошо. Поставьте свою подпись под этими тремя бумагами.

— Приготовленные к моей подписи бумаги? Что вы хотите с ними сделать?

— Это мои рецепты. Следствие лечат причиной, подписывайте. Итак, сын мой, будьте послушны, завтра в полдень вы будете веселы, как яблик. Вы смеетесь, сын мой, это хороший знак, когда больной смеется над своим врачом.

— Да, — проговорил Чаровник, прочитав бумаги, — я смеюсь при мысли о том лице, которое скорчил бы завтра Видувильст, если бы он прочел эти рецепты в газете. Не глупите, доктор шутник, отдайте мне эти бумаги, прекратим этот маскарадный фарс.

— Что это такое? — спросил маленький человек, схватывая бумагу, оставленную Видувильстом. — Да простит меня небо, ведь это отречение от всех ваших прав! Разве вы помышляете об этом, герцог Чаровник? Что? Наследие ваших

предков, крестьян, которых вверил тебе господь, твою честь, твое имя, ты кидаешь все к ногам какого-то искателя приключений? Ты позволяешь лишиться себя всего и даешь обманщику провести себя? Этого быть не может, этого я не допущу, я воспротивлюсь этому, слышишь?

— Кто наглец, говорящий герцогу «ты»?

— Не обращайтесь на это внимания, — возразил врач, — я принадлежу к секте квакеров и друзей мира. Вежливость не в словах. Чаровник, потерял ли ты разум? Бредишь ли ты? Неужели у тебя ничего нет в сердце?

— Это уж слишком! — воскликнул герцог. — Вон, негодяй, не то я выкину тебя из окна.

— Мне уйти? — крикнул своим резким голосом маленький врач. — Нет! Пока я не уничтожу этого акта безумия и глупости. Твое отречение, я разрываю его и растапываю ногами!

Чаровник схватил безумца и кликнул стражу. Никто не отвечал. То угрожая, то умолая, маленький старикашка отбивался с непостижимой подвижностью. Ударом ноги он сбросил лампу на пол, но герцог, не страшась темноты, крепко держал колдуна, силы которого начинали слабеть.

— Отпустите меня, — бормотал незнакомец, — именем Неба, отпустите меня. Вы не знаете, что делаете, вы ломаете мне руку.

Слова и просьбы, все было тщетно. Но вот внезапно — пиф-паф! пиф-паф! — волна пощечин, направленная предерзостной рукою, обрушивается на щеки Чаровника. Ошеломленный, он выпускает свою жертву из рук и очертя голову кидается на невидимого врага. Но он ничего не видит, кроме пустого пространства, спотыкается и громко зовет на помощь.

VIII

Конец сновидения

Наконец открылась дверь. Вошел Рашембур по правилам этикета помочь Чаровнику раздеться; верный слуга казался весьма озадаченным при виде герцога без свечи, ощупью пробиравшегося вдоль стен.

— Где он, этот чертов доктор? — спросил Чаровник с пенящимся от бешенства ртом.

— Повелитель, — отвечал камердинер, — его превосходительство с час тому назад покинул замок.

— Тебя не спрашивают о Видувильсте! — воскликнул герцог. — Куда исчез тот негодяй, который только что напал на меня?

Рашембур взглянул на герцога с сокрушенным видом и, вздохнув, поднял очи к небу.

— Какой-то человек скрылся в дверь, ведущую к тебе, — сказал Чаровник. — Как он проник сюда? Куда он пропал?

— Повелитель, — отвечал Рашембур, — я не отлучался со своего места и никого не видел.

— Я же тебе говорю, что какой-то человек находился несколько минут тому назад в этой комнате.

— Повелитель, ваша светлость никогда не ошибаются, если кто-нибудь был в этой комнате, то он и в настоящее время находится здесь, по меньшей мере, если он не улетел или же если ваша светлость не изволили видеть его во сне.

— Трижды дурак, разве я похожу на человека,

пробудившегося ото сна? Разве я опрокинул эту лампу? Разве я разорвал эти бумаги?

— Повелитель, — сказал Рашембур, — я не более как червь земной, упаси меня Господь противоречить своему господину. Вы платите мне, ваша светлость, жалованье не для того, чтобы я вам перечил. Но в течение всего этого года у нас эпидемия каких-то особенных сновидений. Нельзя себе даже представить, чего только не сделаешь, чего только не выстрадаешь во время сна. Несколько мгновений тому назад сон одолел меня против моей воли, и, не будь я убежден, что видел все во сне, я, пожалуй, стал бы уверять, что какая-то невидимая рука дала мне две оплеухи, которые меня внезапно пробудили.

— Две оплеухи! — сказал герцог. — Это привидение.

— Ваша светлость тысячу раз правы, я не что иное, как глупец, — воскликнул Рашембур. — Это привидение!

— А я не узнал его, — сказал Чаровник. — Ведь это был тот же голос, те же манеры. Что это значит? Новое оскорбление? Небесное знамение? Угрожает ли мне какая-либо опасность? Нужды нет, я останусь в своих владениях. Друг мой, ни слова о происшедшем, возьми этот кошелек, храни мою тайну.

— Это третья, — пробормотал верный Рашембур, после этого он раздел герцога с ревностью и ловкостью, заставившими его светлость несколько раз улыбнуться.

Подобные волнения, причиняемые одно за другим, отгоняют сон. Уж светало, когда герцог заснул, и солнце стояло высоко на небе, когда он проснулся. В тот первый момент, который более

не сон, но еще и не пробуждение, Чаровнику слышался какой-то странный шум: звонили в колокола, стреляли из пушек, три или четыре военных оркестра играли каждый особую пьесу. Он не ошибался — это был адский концерт. Герцог позвонил, вошел Рашембур, держа в руках букет цветов.

— Повелитель, — сказал он, — да позволит ваша светлость самому последнему из слуг первому выразить вам всеобщую радость. Крестьяне ваши в упоении от чувства благодарности и любви. Арендная плата уменьшена! Темницы открыты! Надсмотрщики распущены! Повелитель, вы величайший человек в мире, никогда не носила земля мужа, подобного вам. Покажитесь на балконе, отзовитесь на крики «Да здравствует герцог!», улыбнитесь толпе, которая вас благословляет...

Рашембур не мог кончить, слезы заглушили его голос, он хотел вытереть глаза, но был до того растроган, что вместо платка вынул только что выпущенный номер «Ведомостей» и начал целовать его, как сумасшедший.

Чаровник взял газету и во время одевания тщетно пытался собраться с мыслями. Каким образом очутились эти приказы в газете? Кто их отнес туда? Что это Видувильст не явился до сих пор? Герцог хотел было поразмыслить, порассуждать, навести кое-какие справки, но толпа стояла там, под окнами, нельзя было заставлять ее ждать.

Как только герцог показался на балконе, ему навстречу понеслись крики восторга, от которых, несмотря ни на что, забилось его сердце. Мужчины кидали шапки в воздух, женщины махали

платками, матери высоко поднимали своих ребят и заставляли их протягивать невинные ручонки и лепетать «да здравствует герцог». Штыки ружей дворцовой стражи были обвиты цветами, барабаны били поход, офицеры отдавали честь шпагами, сверкавшими на солнце. Всех охватило какое-то восторженное неистовство. Общее волнение перешло к Чаровнику, он разрыдался, не зная хорошо почему. В это мгновение пробило полдень, привидение не ошиблось, герцог был исцелен.

После крестьян очередь была за служащими, которые с управляющими во главе явились в полном составе поздравить и поблагодарить герцога, так хорошо понявшего желания своих верных советников. Одно лишь лицо отсутствовало на торжестве, это был Видувильст. Куда скрыл он свое бешенство и досаду? Никто не знал этого. Таинственная записка, полученная им в то же утро, заставила его бежать, а между тем записка содержала лишь следующие простые слова: «Герцог узнал все!» Кто же написал это роковое письмо? Во всяком случае, не сам герцог; едва ли не единственный во всем дворце, он думал о своем главном управляющем и дивился, почему он не видит его около себя.

Вдруг вошел Тонто, бледный и расстроенный, он подбежал к герцогу и вручил ему запечатанный конверт, привезенный примчавшимся во всю прыть офицером. Полковник Байонет сообщал герцогу ужасное известие: шесть отрядов распущенных надсмотрщиков возмутились, Видувильст во главе их, мятежники объявили герцога лишенным его сана, обвиняли его в тяжких проступках, в особенности же в убийстве герцогини. Они были многочисленны, хорошо дисциплинированы и

приближались к городу, едва защищенному несколькими ненадежными и недовольными отрядами воинов. Байонет умолял герцога прибыть безотлагательно и принять командование, час запоздания — и все могло быть потеряно.

Влекомый Тонто и Рашембуром, герцог тайно покинул замок в сопровождении нескольких офицеров. Воззвание, прибитое к городской стене и наклеенное на всех городских углах, гласило, что слухи, распространяемые некоторыми недоброжелателями, лишены основания и что никогда воины не были более преданными и верными, как в настоящее время. Это произвело всеобщую панику, курс на бирже упал в какие-нибудь полчаса на целых четыре франка и не повышался до тех пор, пока не пришло известие, что герцога хорошо встретили в главной квартире.

IX

Победа

Известие было ложно, герцог был встречен весьма холодно. Это была его собственная вина. Печальному, встревоженному, задумчивому Чаровнику было не до шуток с воинами, не до слов доверия офицерам. Он вошел в палатку полковника и со вздохом опустился на стул. Тонто был подавлен не менее его.

— Ваша светлость, — сказал Байонет, — позвольте мне говорить с вами с прямою солдата, с вольностью старого друга. Наши люди ропщут, колеблются, их необходимо воодушевить, иначе

мы пропали. Враг перед нами, нападём на него. Какие-нибудь десять минут решают иногда судьбу целых государств, мы теперь находимся именно в таком положении. Не ждите, будет поздно.

— Хорошо, — отвечал герцог, — прикажи садиться на коней, через минуту — я в твоём распоряжении.

Оставшись наедине с Рашембуром и Тонто, герцог произнес с отчаянием в голосе:

— Добрые друзья мои, покиньте господина, который более не в силах сделать что-либо для вас. Я не буду защищать от врагов жалкую жизнь. Обманутый другом, оскорбленный неизвестным негодяем, я в своём злосчастье познаю десницу Всевышнего, карающую меня. Это искупление моего преступления, я убил герцогиню своею бессмысленною жаждой мщения, настал час ответа за мой проступок. Я готов.

— Повелитель, — проговорил Тонто, пытаюсь улыбнуться, — откиньте эти грустные мысли. Если бы герцогиня была здесь, она приказала бы вам защищать себя. Верьте мне, — подтвердил он, теребя легкий пушок на верхней губе. — Я знаю женщин, да! Они и в могиле не покинули бы мысли о мщении. Помимо всего этого, вы ведь не убивали герцогиню, и, быть может, она вовсе уж не так мертва, как вы полагаете.

— Дитя, что ты говоришь? — воскликнул герцог. — Ты теряешь голову!

— Я говорю, что бывают жены, которые умирают нарочно, чтобы привести в бешенство своих мужей. Отчего же вы не хотите допустить мысли, что бывают и такие, которые воскресают из мертвых, чтобы взбесить их еще более? Оставьте мертвых в покое, заботьтесь о живых, которые вас

любят. Вы — герцог, сразитесь же по-герцогски и, если вам суждено погибнуть, погибайте, как подобает герцогу.

— Ваша светлость, — промолвил вошедший со шпагою в руке Байонет, — время не терпит.

— Полковник, прикажите трубить, — крикнул Тонто, — мы идем!

Чаровник обождал, пока вышел полковник, и, взглянув на Тонто, сказал:

— Нет, я не выйду. Я не знаю, что меня ожидает, я вселяю страх самому себе. Я не боюсь смерти, я сам себя убью, а все-таки мне страшно, я не буду сражаться.

— Повелитель, — отвечал Тонто, — именем Неба заклинаю вас, мужайтесь. На коня, это необходимо. Боже мой! — воскликнул он, ломая руки. — Герцог меня не слушает, мы погибли! Идем, — крикнул он, схватив своего господина за плащ, — вставайте, герцог, на коня, несчастный! Чаровник, спасай свое владение, спасай своих слуг, спасай то, что питает к тебе любовь. Трус! Взгляни на меня; я, слабое дитя, готов умереть за тебя! Не покрывай себя позором, сразись! Если ты не встанешь, я, твой слуга, нанесу тебе оскорбление! Ты — трус, слышишь, трус!

И — пиф-паф! — дерзновенный паж ударил Чаровника два раза по щеке.

— Смерть и проклятие! — вскричал оскорбленный, выхватывая шпагу. — Перед своею смертью я убью этого негодяя!

Но негодяй выбежал из палатки. Одним прыжком он вскочил на коня и со шпагою в руке понесся на неприятеля с криком:

— Герцог! Друзья, герцог! Трубите в трубы! Вперед, вперед!

Чаровник, взбешенный от гнева, прищпорил коня, чтобы настигнуть паж. Подобно быку, которого дразнят красным плащом, он неся с опущенной головой, не думая ни об опасности, ни о смерти. Байонет следовал за ним, воины понеслись за своим начальником, это была такая восхитительная кавалерийская атака, которая едва ли встречалась еще в истории.

При грохоте несущихся в атаку эскадронов, от которого тряслась земля, застигнутый врасплох неприятель едва успел выстроиться в боевой порядок. Но один человек узнал герцога, это был негодяй Видувильст. Чаровник — один, весь объятый мыслью о мщении, он никого не видит, кроме преследуемого паж. Изменник с саблей в руке устремляется на герцога. Герцог погиб бы, если бы Тонто, быстрым движением всадив шпоры в бока своего коня, не повернул его и не бросился на Видувильста. Паж перехватил удар, предназначенный его господину, он испустил громкий крик, взмахнул руками и свалился, но смерть его была, по крайней мере, отомщена. В горло изменника врага Чаровник вонзил свою шпагу до рукоятки и с невольным ощущением удовлетворения вытянул ее, всю в крови.

Смерть изменника решила победу.

Воины герцога, воодушевленные геройством своего вождя, быстро разбили несколько неприятельских батальонов без особого труда. Мятежники, потерявшие отныне надежду на победу, запросили пощады и были тотчас же допущены к милостивому и счастливому победителю.

Час спустя после того, как Чаровник ступил на поле сражения, где думал умереть, он возвращался триумфатором, окруженный победителями

и побежденными, в одинаковой степени смущенными и обрадованными.

Приветствуя своего господина, первые громко кричали, вторые кричали еще громче.

X

Из которой выясняется, что не следует
судить людей по наружности и что Тонто
не был Тонто

Герцог зашел в свою палатку немного отдохнуть, при виде Рашембура он вспомнил Тонто.

— Паж убит? — спросил он.

— Нет, ваша светлость, — отвечал Рашембур, — к несчастью для себя, он жив еще, надежды нет. Я велел перенести его к его тетке, маркизе де Косторо.

— Он племянник маркизы? — спросил герцог. — Мне никто этого не говорил.

— Ваша светлость, вы, верно, забыли об этом, — отвечал камердинер. — У бедного дитяти тяжкая рана в плече, он более не поправится. Видеть вашу светлость перед своей кончиной доставило бы ему великое счастье.

— Хорошо, — сказал герцог, — проводи меня к умирающему.

При входе во дворец герцога встретила маркиза, она провела его в комнату, в которой спущенные шторы поддерживали приятный полумрак. На софе лежал паж, бледный, весь в крови; однако он имел еще силы приподнять голову и поклониться герцогу.

— Вот так диво! — воскликнул Чаровник. —

Это самая странная рана, которую я когда-либо встречал на свете,— у пажу всего один ус.

— Ваша светлость,— сказала маркиза,— должно быть, лезвие шпаги, вонзившись в плечо, обожгло мимолетом другой ус. Нет ничего разнообразнее ран, наносимых холодным оружием. Это известно каждому.

— Что за чудо! — удивлялся герцог. — С одной стороны, это Тонто, мой паж, этот негодяй; с другой, это... нет, я не ошибаюсь. Это ты, мой добрый гений и спаситель, это ты, моя бедная Пазза!

И герцог упал на колено и схватил протянутую руку герцогини.

— Чаровник,— сказала Пазза,— дни мои сочтены, но прежде чем умереть...

— Нет, нет, Пазза, ты не умрешь! — воскликнул со слезами в голосе герцог.

— Перед смертью,— прибавила она, опуская очи,— я хочу, чтобы ты простил мне две оплеухи, которые я сегодня утром в припадке безрассудного усердия...

— Довольно,— прервал герцог,— я прощаю тебя. Во всяком случае, мои владения и моя честь стоят дороже... того, что я получил сегодня.

— Увы,— прошептала Пазза,— это еще не все.

— Как? — спросил герцог. — Что еще?

— Ваша светлость,— воскликнула маркиза,— что вы сделали? Дитя мое умирает.

— Опомнись, Пазза! — воскликнул герцог. — Продолжай и будь уверена, что я вперед прощаю тебе все, что бы ты мне еще ни сделала. Увы, не тебе просить моего прощения.

— Чаровник, доктор... тот маленький доктор, который осмелился дать тебе...

— Ты его подослала? — спросил герцог, хмурия брови.

— Нет, Чаровник, это была я сама. Боже, чего я только не сделала бы для того, чтобы спасти моего герцога! Не кто иной, как я, все из желания спасти тебя от козней изменника, позволила себе применить...

— Довольно, — сказал Чаровник, — я прощаю тебя, хотя урок и был немного суров.

— Увы, это еще не все, — вздохнула Пазза.

— Еще? — спросил, подымаясь с места, герцог.

— Ах, тебя... мне дурно, — прошептала бедная Пазза.

Однако благодаря общим усилиям она вновь пришла в себя и, устремляя свои томные глаза на взволнованного до крайности герцога, проговорила:

— Чаровник, та цыганка на костюмированном балу, которая осмелилась...

— Была ты, Пазза? — прервал герцог. — О, это я тебе прощаю, это я вполне заслужил. Сомневаться в тебе, воплощенной искренности! Но я вспоминаю! — воскликнул герцог. — Помнишь ли ты ту смелую клятву, которую ты дала мне в вечер нашей свадьбы? Коварная, ты сдержала свое слово, теперь очередь за мною сдержать мое. Пазза, скорее выздоравливай и возвращайся в тот замок, из которого счастье улетело вместе с тобою.

— Еще одну последнюю милость мне надо просить у тебя, Чаровник, — сказала Пазза. — Рашембур был сегодня утром свидетелем сцены, при мысли о которой я краснею и которую нужно скрыть от всех. Этого верного слугу я препоручаю твоей доброте.

— Рашембур,— произнес герцог,— бери этот кошелек и под страхом смерти храни нашу тайну.

Рашембур стал на колено у ложа герцогини и, целуя руку своей госпожи, прошептал:

— Ваша светлость, это четвертая и четвертый...

Затем, поднявшись на ноги, он воскликнул:

— Господь да благословит руку, одаряющую меня!

Спустя несколько минут после этой трогательной сцены Пазза заснула. Герцог, все еще не успокоенный, разговаривал с маркизой.

— Тетушка,— спрашивал он,— убеждены ли вы в том, что Пазза поправится?

— О,— отвечала старая дама,— радость отзывает от дверей гробницы самую больную женщину. А счастье, разве оно бессильно? Поцелуй герцогиню, племянник, это принесет ей более пользы, чем все ваши лекарства.

Герцог склонился к спящей герцогине и поцеловал ее в лоб. Неземная улыбка, быть может, счастливая греза, осветила ее бледное лицо. Герцог же разрыдался, как дитя...

XI

**Которая доказывает, что жена
должна повиноваться мужу**

Маркиза была права (дамы всегда правы... начиная с шестидесятилетнего возраста). Две недели счастья поставили Паззу на ноги и позво-

лили ей принять участие в триумфальном въезде в герцогский замок. Бледность ее и рука на перевязи увеличивали еще ее миловидность и красоту. Чаровник не спускал глаз с герцогини, и население следовало примеру своего господина.

Чтобы доехать до замка, нужно было час времени. Обитатели окрестных сел и деревень воздвигли не более и не менее как три триумфальные арки, грозные крепости, защищенные тридцатью шестью депутациями и тридцатью шестью приветственными речами. Первая арка, воздвигнутая в виде решетки, была украшена гирляндами из зелени и цветов; над нею красовалась надпись: «Самому нежному и преданному супругу».

Эта арка была предоставлена защите пяти или шести тысяч девиц в белоснежных одеяниях с развевающимися розовыми лентами. Это было (так, по крайней мере, можно было судить по воркотне этих голубиц) олицетворение весны, надежда на грядущее, явившиеся приветствовать Славу и Красоту.

Вторая арка, воздвигнутая более массивно из лесов, покрытых коврами, была украшена на вершине изображением какой-то классической богини с повязкой на глазах. Внизу стояла надпись: «Отцу и покровителю, защитнику слабых и угнетенных».

Патеры, управители, надсмотрщики, служащие многочисленных владений герцога, стояли здесь.

Последней была громадная арка, настоящий военный трофей, составленная сплошь из пушек и носившая надпись: «Храбрейшему и мужественнейшему полководцу».

Здесь воины поджидали своего начальника, и

здесь герцогиню приветствовал величественный глас ста пушек и двухсот барабанов. Пред этим оратором смолкает всякое людское красноречие, и всегда предоставляется ему последнее слово.

Я уволю вас от описания обеда, не имевшего конца, и шестидесяти застольных речей, заимствованных ораторами из старинных газет, где их печатали уж несколько раз и куда их каждый раз передавали для нужд будущих поколений. Нет ничего однообразнее счастья, и поэтому будем снисходительны к тем, которые обязаны официально воспевать его. В подобных случаях самый красноречивый тот, кто говорит меньше всех.

Наконец и этот бесконечный вечер пришел к концу, вечер, в течение которого герцог расточал любезные улыбки господам, которых мысленно посылал в тридешатое царство.

В полночь Чаровник проводил герцогиню, на этот раз уж не в башню, а в ее роскошно убранные покои. У дверей герцог Чаровник обратился к супруге и сказал:

— Без тебя я — ничтожество, моя дорогая Пазза, всем, что во мне есть, я обязан тебе. Когда тебя нет со мной, я не более как тело без души, и я ничего не в состоянии сделать, кроме глупостей...

— О нет, мой дорогой, — прервала Пазза, — позволь мне опровергнуть тебя.

— Боже мой! — возразил герцог. — Я не пытаюсь выказать излишнюю скромность, я отлично знаю, что во всех моих владениях я все-таки самая умная голова, сами управляющие мои признают это, так как они всегда разделяют мои взгляды. Итак, мое решение принято. Если окружающие, люди, зависящие от меня, прославляют мою мудрость, мою доброту и даже мою храб-

рость, будь посему, я принимаю эти знаки благоговения. Тебе одной я даю право смеяться над этим, и ты меня не выдашь. Но с этой минуты я передаю тебе свою власть. Твой супруг, моя дорогая Пазза, будет не более как первым твоим подданным, верным министром твоих желаний. Ты будешь сочинять пьесу, я буду ее исполнять. Знаки одобрения будут принадлежать мне, по обычаю, я их возвращу тебе впоследствии своею любовью.

— Друг мой, не говори так,— сказала Пазза.

— Я знаю, что говорю,— с живостью возразил герцог.— Я хочу, чтобы ты повелевала, я желаю, чтобы в моих владениях, как в любом доме, ничего не происходило помимо тебя. Я — герцог, я этого хочу, я это приказываю!

— Ваша светлость,— отвечала Пазза,— я ваша жена и первый слуга, мой долг — вам повиноваться.

Затем, говорит летопись, они жили долго, счастливо и согласно, они очень любили друг друга, и у них было много детей.

Вот настоящий конец всех лучших сказок.

ДОБРАЯ ЖЕНА

ДОБРАЯ ЖЕНА

Норвежская сказка

I

Добрая жена старика Гудбранда

ил-был некогда старичок, звали его Гудбрандом, жил он в уединенной хижине, построенной на дальнем косогоре, поэтому прозвали его Гудбрандом с косогора.

Тут же следует сказать, что у Гудбранда была превосходная жена, что порою случается, но, что бывает гораздо реже, Гудбранд признавал цену подобного сокровища. Итак, супружеская чета жила в глубоком мире, наслаждаясь обоюдным благополучием, не заботясь ни о богатстве, ни о годах. Все, что ни сделал бы Гудбранд, думала и желала его жена до него, так что старичок не мог ни до чего дотронуться, ничего изменить, ничего переставить в доме без того, чтобы его подруга не поблагодарила его за то, что он угадал и предвосхитил ее желание.

Одним словом, их жизнь была легка, хозяйство принадлежало им, в ящике их шкафа лежало

сто крон, а в хлеву стояли две славные коровы. Всего было у них вдоволь, они могли бы понемногу стариться, не страшась ни дряхлости, ни нужды, не нуждаясь ни в сострадании, ни даже в дружбе ближних.

Однажды вечером, когда они болтали вдвоем о своих делах и надеждах, жена Гудбранда сказала своему мужу:

— Дорогой друг, мне пришла на ум следующая мысль: не взять ли тебе одну из наших коров и не продать ли ее в городе? Той, которая останется, будет достаточно для того, чтобы снабжать нас маслом и молоком. Зачем нам утомляться для других? У нас есть деньги, которые спят в ящике, детей у нас нет, не лучше ли было бы поберечь наши руки, чем утомлять их? Для тебя всегда найдется дело в доме — починить что-нибудь из мебели или исправить какое-нибудь орудие, а я получу возможность дольше просиживать около тебя с прялкой и веретеном.

Гудбранд нашел, что жена его права, как всегда, на другой же день, рано поутру, он отправился в город продавать корову. Но день был не базарный, он не нашел покупателя.

«Отлично, отлично! — подумал Гудбранд. — На самый худой конец, я был бы избавлен от необходимости возвращаться с коровой домой; сена и соломы хватит у меня, а обратный путь ничуть не длиннее».

Затем он спокойно повернул домой.

Через несколько часов он почувствовал некоторую усталость и встретил человека, ехавшего в город верхом на коне, статном животном, оседланном и взнузданном. «Путь долог, и ночь не за горами, — подумал Гудбранд, — с моей коровой кон-

ца не будет странствованию, а завтра мне придется снова начинать прогулку. Вот эта лошадь — другое дело; я вернулся бы к себе так же горделиво, как наш судья. Кто был бы счастлив при виде своего мужа, возвращающегося с триумфом, настоящим римским императором? Жена старика Гудбранда, конечно». После подобного размышления он остановил барышника и обменял корову на коня.

Сев верхом, он почувствовал некоторое сожаление. Гудбранд был стар и тяжел, конь был молод, резв и пуглив, через каких-нибудь полчаса всадник шел пешком, держа повод в руке и с большим трудом таща животное, поднимавшее голову навстречу ветру и вздымавшееся на дыбы перед каждым камнем на пути.

— Дурное приобретение, — промолвил он, как вдруг заметил крестьянина, погонявшего перед собою жирную откормленную свинью, брюшко которой касалось земли.

«Полезный гвоздь лучше блестящего брильянта, не приносящего пользы, — подумал Гудбранд, — моя жена часто повторяет это».

И он обменял своего коня на свинью.

Мысль была счастливая, но расчет старичка оказался неверным. Господин боров устал и не хотел двигаться с места. Гудбранд кричал, просил, ругался — все было тщетно; он тянул свинью за голову, он толкал ее сзади, он ударял ее со всех сторон — напрасный труд. Свинья лежала в пыли, как судно на мели. Фермер пришел в отчаяние, как вдруг мимо него прошел человек с козой, которая с выменем, наполненным молоком, прыгала, бегала, скакала с резвостью, восхищающей глаз.

— Вот что мне надо! — воскликнул Гудбранд. — Мне больше нравится такая веселая и резвая коза, чем это неблагогородное и глупое животное.

Сказав это и не принимая сдачи, он обменял свинью на козу.

Все шло хорошо в течение первого получаса. Длиннорогая красотка тянула Гудбранда, смеявшегося над ее шалостями, но когда человек старше двадцати лет, он быстро устает карабкаться по скалам, поэтому фермер, встретив пастуха, пасшего свое стадо, не ощутил никаких угрызений совести при обмене козы на овцу. «У меня будет молока вдоволь, — подумал он, — и эта скотина, по крайней мере, будет спокойна и не станет утомлять ни мою жену, ни меня».

Гудбранд рассудил справедливо. Нет животного смирнее овцы. У нее не было причуд, она не бодалась, но она и не двигалась вперед и все время блеяла. Разлученная со своими сестрами, она хотела вновь вернуться к ним, и чем дальше Гудбранд тянул ее, тем жалобнее она блеяла.

— Ну ее совсем, глупую скотину! — воскликнул Гудбранд. — Она упряма и плаксива, точь-в-точь жена моего соседа! Кто освободит меня от этого блеющего, плачущего, стенающего животного? Во что бы то ни стало я развяжусь с ним!

— По рукам, когда так, куманек, — сказал проходивший мимо крестьянин. — Бери этого жирного, славного гуся, он куда лучше твоей злой овцы, которая, того и гляди, через час околеет.

— Ладно, — сказал Гудбранд, — живой гусь лучше мертвой овцы.

И он взял себе гуся.

Дело было не так легко, птица была дурным

спутником. Встревоженная тем, что не чувствует под ногами земли, она отбивалась клювом, лапами и крыльями. Борьба вскоре утомила Гудбранда.

— Фу! — сказал он. — Гусь дрянная скотина, жена никогда не хотела иметь его в доме.

И вот на первой ферме, где он остановился отдохнуть, он обменял гуся на красивого петуха с богатым оперением и с длинными шпорами. На этот раз он был удовлетворен, петух, правда, кричал по временам голосом, слишком хриплым для того, чтобы восхитить нежные уши, но так как ему связали ноги и держали его головою вниз, то он вскоре примирился со своей судьбой. Единственная неприятность состояла в том, что день клонился к вечеру. Гудбранд, вышедший с рассветом, до самого вечера ничего не ел и не имел гроша в кармане. Путь предстоял еще порядочный, фермер чувствовал, что его ноги слабеют и желудок требует пищи, приходилось принять геройское решение. В первом кабачке Гудбранд продал своего петуха за одну крону и истратил ее до последнего гроша на утоление своего голода. «В самом деле, — размышлял он, — к чему послужил бы мне петух, если бы я умер с голоду?»

Приближаясь к дому, владелец хижины на косогоре стал размышлять о том странном обороте, который приняло его путешествие.

Перед тем чтобы войти к себе, он остановился перед хижинной соседа Петра Седой Бороды, как звали его в той местности.

— Ну что, куманек, — спросил Седая Борода, — как провел ты время в городе?

— Так себе, — отвечал Гудбранд, — не могу ска-

зять, чтобы мне очень посчастливилось, но вместе с тем не могу и пожаловаться.

И он рассказал все, что с ним случилось.

— Сосед,— сказал Петр,— натворил же ты бед, хорошо же встретит тебя твоя хозяйка! Да поможет тебе Небо! За десять крон я не пожелал бы торчать в твоей шкуре.

— Хорошо,— сказал Гудбранд с косогора,— дело могло бы принять гораздо худший оборот для меня, но в настоящее время я спокоен, душа моя безмятежна. Прав ли я или нет, моя жена так добра, что она ни слова не скажет мне, узнав, что я сделал.

— Слушаю я тебя, сосед, и дивлюсь тебе, но, как ни велико мое уважение к тебе, я нимало не верю тому, что ты мне говоришь.

— Давай побьемся об заклад,— предложил Гудбранд с косогора.— У меня есть сто крон в ящике моего шкафа, я ставлю двадцать, ставь со своей стороны столько же.

— Идет,— сказал Петр,— но не будем откладывать дела.

Ударив по рукам, оба друга вошли в дом Гудбранда.

Петр остановился у дверей, чтобы слышать разговор обоих супругов.

— Добрый вечер, моя старушка,— сказал Гудбранд.

— Добрый вечер,— отвечала добрая жена.— Это ты, мой друг? Благодарение Господу! Как провел ты день?

— Так себе,— отвечал Гудбранд.— Придя в город, я не нашел покупателя для нашей коровы, поэтому я обменял ее на коня.

— На коня! — вскрикнула жена.— Это сча-

стливая мысль. Я благодарю тебя от всего сердца, мы будем ездить в повозке в церковь, как те господа, которые до сих пор свысока смотрели на нас, а сами-то вовсе не лучше нас с тобою. Если нам хочется держать лошадь и есть, чем кормить ее, то, полагаю, мы имеем на это полное право, мы никого и спрашивать не станем. Где лошадь? Нужно поставить ее в конюшню.

— Я не довел ее до дому, — сказал Гудбранд, — по дороге я передумал, я обменял лошадь на свинью.

— Видишь ли, — сказала жена, — это как раз то, что я сделала бы на твоём месте. Спасибо, сто раз спасибо. Теперь, когда соседи придут ко мне в гости, у меня, как и у других людей, найдется для угощения кусочек ветчины. На что нам лошадь? Еще стали бы говорить: «Смотрите на гордецов, уж не слишком ли важными считают они себя для того, чтобы идти пешком в церковь». Нужно отвести свинью под навес.

— Я не привел свиньи, — сказал Гудбранд, — по дороге я обменял ее на козу.

— Bravo! — сказала добрая жена. — Какой же ты, однако, умный и смывленный человек! Если поразмыслить немного, что стала бы я делать со свиньей? На нас показывали бы пальцами и говорили: «Поглядите на этих людей, они съедают все, что наживают». Но от моей козы у меня будет молоко, сыр, уж не говоря о козлятах. Скорее сведи козу в хлев.

— Я и козы не привел домой, — сказал Гудбранд, — по дороге я обменял ее на овцу.

— Я тебя узнаю, — воскликнула хозяйка, — это ты для меня сделал. Разве мои лета таковы, чтобы бегать по холмам и лугам за козою? Овца же даст

мне свою шерсть и свое молоко. Поставь овцу в хлев!

— Я и овцы не привел домой,— сказал Гудбранд.— По дороге я обменял ее на гуся.

— Спасибо! От всего сердца спасибо,— сказала добрая жена.— Что стала бы я делать с овцой? У меня нет ни прялки, ни станка, ткать — тяжелый труд, а когда кончишь ткать, приходится резать, кроить, шить. Гораздо проще покупать готовые платья, как мы до сих пор с тобой делали, но гусь, жирный гусь, конечно, вот кого я давно желала. Мне нужен пух для нашего одеяла, и с давних пор я мечтала отведать как-нибудь жареного гуся. Нужно запереть его в птичник!

— Я и его не привел домой,— сказал Гудбранд,— по дороге я обменял его на петуха.

— Друг мой дорогой,— сказала добрая жена,— ты умнее меня. Петух, да ведь это прелесть, он куда лучше стенных часов, которые приходится заводить каждую неделю. Петух поет по утрам в четыре часа и напоминает нам о том, что пора, помолившись, приняться за работу. Гусь, что стали бы мы с ним делать? Стряпать я не умею, а для моего одеяла, с Божьей помощью, найдется и мох, куда нежнее пуха. Скорее веди петуха в птичник!

— Я и петуха не привел домой,— сказал Гудбранд,— к вечеру я сильно проголодался и должен был продать петуха за крону, иначе я умер бы с голоду.

— Хвала Господу! Это Он ниспослал тебе эту счастливую мысль,— сказала хозяйка.— Все, что ты делаешь, Гудбранд, все приходится мне по сердцу. На что был бы нам петух? Мы сами с тобой господа, думается мне, никто не имеет

права давать нам приказы. Мы можем лежать в кровати сколько нашей душе угодно. Ты вернулся, мой дорогой друг; я счастлива, и ничего иного мне не надо, лишь бы ты был около меня.

Тогда Гудбранд открыл дверь:

— Ну что, сосед Петр, что скажешь ты? Ступай за своими двадцатью кронами.

И он поцеловал свою старую жену в обе щеки с таким удовольствием и с такою нежностью, как будто бы ей было всего двадцать лет.

II

Рассказ здесь не кончается, у всякой медали своя оборотная сторона. День не казался бы таким приятным, если бы его не сменяла ночь. Как ни совершенны и ни добры все женщины, все-таки между ними есть такие, нрав которых не так снисходителен, как у жены Гудбранда. Нужно сказать, что вина в этом всецело лежит на муже. Если бы он всегда уступал, неужели могли бы существовать какие-либо разногласия? «Уступать?» — спросят некоторые усатые лица. Да, без сомнения, в противном случае слушайте, что вам предстоит. В наше снежное и морозное время пример Норвегии не может не быть полезным, в Париже.

III

Рассказ о соседе Петре, который хотел
главенствовать в доме

Петр Седая Борода нимало не был похож на соседа Гудбранда: он был упрям, надменен,

вспыльчив и не отличался бóльшим терпением, чем собака, у которой вырывают кость, или кошка, которую душат. Он был бы нестерпим, если бы небо в своей благости не подарило бы ему достойной его супруги. Она была своевольна, придирчива, сварлива, своенравна, всегда готовая молчать, когда муж ее ничего не говорил, и кричать, лишь только он раскрывал свой рот. Обладание таким сокровищем было большим счастьем для Седой Бороды. Без своей жены он никогда бы не познал, что терпение никогда не было заслугою глупцов и что кротость представляет собою первую из добродетелей.

В один прекрасный день во время сенокоса, вернувшись домой после тяжелой пятнадцатичасовой работы сердитее обыкновенного, он потребовал обед, который не был еще готов, и начал ругаться, беситься и проклинать женщин и их лень, его жена сказала ему:

— Боже мой! Тебе хорошо разговаривать, Петр, хочешь поменяться работой? Завтра я пойду вместо тебя на сенокос, а ты хозяйничай на моем месте. Посмотрим, кому из нас будет легче и кто исполнит лучше свою работу.

— По рукам! — воскликнул Петр. — Нужно же наконец раз навсегда, чтобы ты на самой себе испытала, как мучается бедный муж; это научит тебя уважать его и будет уроком, который тебе необходим.

На другой день на рассвете жена ушла с граблями на плече, с серпом на боку, счастливая, как жаворонок при виде восходящего солнца, громким голосом распевая песни.

Страшно показалось Петру Седой Бороде, когда он остался один в избушке, но он не хотел со

знаться в этом. И вот он принялся за сбивание масла, как будто бы занимался этим делом всю свою жизнь.

Быстро согреваешься при непривычном труде. У Петра пересохло горло, он сошел в погреб, чтобы достать из бочки пива. Он вколотил втулку и хотел было приделать к ней кран, как вдруг услышал над своею головой хрюканье. Это была свинья, которая опустошала кухню.

— Пропало мое масло! — вскрикнул Седая Борода.

И вот он вбегает по лестнице наверх, перескакивая через каждые четыре ступени, держа кран в руке. Что за зрелище! Маслобойная кадка опрокинута, сливки на полу и свинья, лежащая в волнах молока!

Человек более умный и тот потерял бы терпение. Петр бросается на животное, которое с хрюканьем обращается в бегство. Плохо пришлось корову, так как хозяин поймал его на пути и нанес ему прямо в висок такой меткий удар краном, что свинья тут же упала замертво.

Подымая руку, всю в крови, Петр вспомнил, что он не закрыл втулку и что пиво все еще льется, он побежал в погреб. К счастью, пиво более не лилось, но зато и ни одной капли не осталось более в бочке. Приходилось начинать работу снова и сбивать масло для обеда. Петр вернулся в молочную, там было еще довольно сливок для того, чтобы исправить утреннюю неудачу. И вот он начал сбивать сливки без всякой помехи. В самом разгаре работы он вспомнил, хотя и немного поздно, что корову не выгоняли из хлева и не давали ей ни пить, ни есть, несмотря на то, что солнце уже высоко стояло на небе. Он хотел было тотчас

же бежать в хлев, но опыт научил его осторожности.

«Здесь мой маленький сынишка,— подумал он,— если я оставлю его у кадки с маслом, то лакомка перекувырнет ее, легко может случиться несчастье». Думая это, он взвалил кадку на спину и пошел за водой, чтобы напоить корову.

Колодец был глубок, ведра не достигали воды. Петр в нетерпении нагнулся над колодцем, чтобы скорее наполнить ведра. Паф! Молоко выливается ему на голову, прежде чем вылиться в колодец.

— Положительно, я останусь сегодня без масла,— сказал Петр,— позаботимся о корове; выгонять ее в поле уже поздно, но на соломенной крыше нашего дома найдется порядочный запас травы, которую не успели скосить. Наша скотина ничего не потеряет, если останется сегодня дома.

Корова была выведена из хлева, втащить ее на крышу не представляло большого труда, хижина, выстроенная у самого обрыва, приходилась в уровень с землею, широкая доска помогла немного, и вот корова очутилась удобно пристроенной на воздушном пастбище.

Петру нельзя было оставаться на крыше стеречь животное: приходилось варить суп и нести его косцам, но он был осторожным малым и не хотел подвергать корову опасности сломать себе ноги, поэтому он обвязал корову веревкой вокруг шеи, эту веревку он бережно спустил в кухонную трубу, затем сошел вниз и, прикрепив спущенный конец веревки к своей ноге, подумал:

«Таким образом, я уверен, животное не уйдет и ничего прискорбного не случится».

Он наполнил чугунок, положив в него добрый кусок свиного сала, овощей и воды, разложил под

ним хворост, выбил искру, раздул огонь, как вдруг — трах! — корова падает с крыши и втягивает хозяина кверху в трубу, головою вниз, ногами вверх. Где бы он очутился? Не знаю наверное, если бы благодаря счастливому случаю толстый железный прут не задержал бы его на пути. И вот оба повешенных, корова снаружи, Петр внутри, оба между небом и землей, поднимают ужасный крик.

К счастью, хозяйка не отличалась таким терпением, как ее супруг. Прождав три секунды, чтобы убедиться, несут ли ей суп или нет, она стремглав побежала домой. При виде висящей коровы она схватила свой серп и перерезала веревку.

Бедное животное несказанно обрадовалось, вновь ощутив под ногами твердую почву. Не менее счастливым оказался и Петр, который вовсе не привык глядеть на небо с поднятыми кверху ногами. Но, видно, так было уже свыше решено, что все удавалось ему в этот день: огонь потух, вода не разогрелась, чугунок лежал вверх дном и в таком плачевном состоянии, что Седая Борода вышел, к своей чести, из этого тяжелого испытания лишь с разбитой головой, ободранном носом и исцарапанными щеками. К счастью, он ничего не разбил, кроме чугуна.

Когда хозяйка вошла в кухню и увидела своего супруга совершенно пристыженного и покрытого кровью, она вскрикнула, подбоченясь:

— Ну? Что же? Кто прав у нас в доме? Я скосила и убрала сено и вот в том же виде, как и вчера. А ты? Господин повар, господин пастух, господин отец семейства, где масло, где свинья, где корова, где наш обед? Если наш ребенок еще жив, то, уж конечно, не тебе он обязан этим. Бед-

ное дитя! Если бы у тебя не было твоей матери!

Тут она принялась плакать и рыдать, она ощущала потребность в слезах. Разве чувствительность сердца не торжество женщины, а слезы не торжество чувствительности?

Петр молча перенес бурю и хорошо поступил: безропотность приличествует возвышенным сердцам. Но через несколько дней соседи заметили, что он переменил надпись над входом в свою хижину. Вместо двух соединенных рук, над которыми красовалось сердце, окруженное голубою лентой и освещенное вечным пламенем, на стене красовался улей, окруженный пчелами, со следующей надписью, врезанной в дерево: «Пчела жалит больно, злой язык — еще больнее».

Это было его единственным мщением на этот раз.

IV

Вот мой рассказ, точь-в-точь как его рассказывают на зимних посиделках для наставления в мудрости юных обитательниц Норвегии. Им предоставляется на свой собственный страх выбирать между женою Гудбранда и женою Седой Бороды.

— Выбор не труден, — сказала мне миловидная соседка, которая вскорости собиралась стать бабушкой, — умом и добродетелью нужно подражать жене Гудбранда. Вы, мужчины, куда забавнее, чем сами полагаете. Чуть дело коснется вашего самолюбия, вы начинаете любить правду и справедливость, как летучие мыши любят свет. Счастье этих господ состоит в том, чтобы прощать нас, когда сами виноваты, и великодушно предла-

гать нам забвение, когда они неправы. Самое разумное — дать им высказаться и притвориться, что веришь им; только таким образом приручают этих удивительных зверей и водят их за кончик носа, как итальянских буйволов.

— Но, тетя,— сказала одна юная русая головка,— не всегда сумеешь смолчать; не уступать, когда сознаешь себя правой, ведь это наше право.

— Когда же сознаешь себя виноватым, мой дорогой друг, то это — снисходительность. Какая женщина отказалась бы когда-либо от этой царской привилегии? Мы все в некотором роде двоюродные сестры той милой дамы, которая, исчерпав все доводы, уничтожила своего супруга презрительным взглядом.

«Сударь,— сказала она ему,— даю вам честное слово, что я права».

Что ответить на это? Разве можно изболтать во лжи свою жену? К чему служит сила, если она не уступает слабости? Бедняк опустил голову и не сказал ни единого слова.

— Сударыня,— проговорила молоденькая женщина, недавно вышедшая замуж,— мне кажется, что тут нечего выбирать. Когда любишь своего мужа, все кажется легким, мыслить и действовать во всем с ним заодно составляет удовольствие.

— Да, мое дитя, это секрет комедии, все его знают, но никто не пользуется им. До тех пор, пока лучи медового месяца освещают молодое хозяйство, все идет своим чередом; равным образом, пока наш супруг исполняет все наши прихоти, мы настолько добродетельны, что предоставляем ему полную свободу действий, но позднее все изменяется. Как сохранить наше господство?

Юность и красота проходят, ума недостаточно, в противном случае, какая парижанка не чувствовала бы себя счастливой? Чтобы остаться госпожой в доме, нужно обладать самой божественной из добродетелей — добротою; доброта слепая, глухая, немая, все прощающая ради удовольствия прощать. Любить сильно, любить до крайности для того, чтобы и нас любили немного, вот где секрет счастья женщин, вот в чем заключается и нравоучение сказки о Гудбранде!

СОДЕРЖАНИЕ

Пальчик	6
Три лимона	32
Ивон и Финетта	56
Герцог Чаровник	98
Добрая жена	150

Эдуард Лабулэ

Голубые сказки

(перевод с французского)

Художник

М. Гуров

Технический редактор

Л. Подберезин

Корректор

Л. Иванова

Сдано в набор 11.01.94 г. Подписано к печати 30.03.94. Формат 84×108/32.
Гарнитура Школьная. Вумага книжно-журн. Печать офсетная. Печ.л. 5,25.
Усл.печ.л. 8,82. Уч-изд.л. 7,3. Тираж 75000 экз. Зак. № 1779 С.1.

Изд. лицензия ЛР № 063255 от 26.01.94 г.

«ТИПК-7»

121096, Москва, Минская ул., 14-6.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Мининформпечати
РФ.127018, Москва, Сушчевский вал, 49.

